

Дмитрий Брат

Их нельзя спасать

Дмитрий Брат
Их нельзя спасти

«Автор»

2026

Брат Д.

Их нельзя спасти / Д. Брат — «Автор», 2026

Два года назад в пустыне Невады открылся портал. Раз в 37 дней оттуда выходят люди, называющие себя Эхо. Они — точные копии жителей нашего мира, но у них на две минуты больше личного времени. И каждое из них предсказывает катастрофу. Мир боготворит Эхо. Правительства создали службу приёма беженцев. Следователь Кирилл Волков проверяет каждого прибывшего на шпионаж — и не находит ничего подозрительного. Но в одном из циклов из портала выходит Полина — его погибшая напарница. Она улыбается. А Эхо никогда не улыбаются. Кирилл начинает расследование и вскоре понимает: правда, которую ему предстоит узнать, разрушит всё, во что он верил. И потребует жертвы, на которую никто не способен. Кроме него.

© Брат Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	45
Г	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Брат

Их нельзя спасать

Глава 1

Он снова шёл по мокрой траве к чёрному ходу.

Ночь пахла прелой листвой и бензином от машин группы захвата. Где-то впереди, за деревьями, гудел генератор. Его ровный, низкий гул смешивался с далёким лаем собак и чьими-то приглушёнными голосами — обычный шумовой фон полицейской операции, к которому он привык за годы службы. Луч фонарика Полины метался по стене дома — короткие, точные движения. Она шла позади, прикрывая тыл.

— Кирилл.

Он обернулся. Полина стояла у пристройки, направив луч на низкую дверь, почти вросшую в землю. Свет фонарика выхватывал её лицо — сосредоточенное, с плотно сжатыми губами. Он знал это выражение. Так она выглядела всегда, когда принимала решение, не спрашивая никого.

— Тут дверь в подвал.

Пистолет уже вскинут. Она не спрашивала — ставила перед фактом, и Кирилл знал этот тон. Тот самый, не требующий возражений.

— Заходим.

Дверь подалась с тяжёлым скрипом, и в лицо пахнуло сыростью — запах мокрого бетона, плесени и чего-то кислого, химического. Луч фонаря выхватил уходящую вниз лестницу — ступени, покрытые пылью и паутиной, по углам — ржавые трубы, с которых свисали клочья какой-то ветоши.

— Чисто, — она шагнула вниз. Её голос прозвучал глухо, поглощённый низким сводом подвала.

А потом мир раскололся.

Не грохот — удар. Горячий, плотный воздух швырнул его спиной на землю. В ушах зазвенело так, что Кирилл перестал слышать собственное дыхание. Перед глазами плыли оранжевые круги. Он пополз к провалу, который минуту назад был дверью. Кирпичная крошка хрустела под ладонями, впивалась в кожу. Дым ел глаза, выжимая слёзы.

— Полина!

Она лежала у подножия лестницы, среди обломков и пыли. Кирилл скатился вниз, не чувствуя ни страха, ни боли, только пустоту в груди. Он ухватил её под мышки — тело было безвольным, тяжёлым — и потащил наверх, на воздух, на свет. Кричал что-то — может, её имя, может, мат, может, молитву. Она не отвечала. Её голова запрокинулась, и он увидел кровь на виске — тёмную, почти чёрную в свете прожекторов.

Странная мысль мелькнула и пропала: *вот так и кончается всё, чему ты не успел дать имя.*

Кто-то из спецназа уже бежал к ним с аптечкой. Кирилл склонился над ней. В свете фонаря он увидел: осколок стекла застрял в левой щеке. Кровь текла по лицу, по шее, пропитывала воротник. Он вытащил осколок — Полина даже не шевельнулась. Разорвал упаковку с бинтом, прижал марлю к ране. Кровь проступала сквозь пальцы, горячая и липкая. Он давил сильнее, пытаясь остановить поток, и шептал что-то — то ли её имя, то ли молитву.

Потом сирена. Машина скорой, разрезающая ночь. Он сидел рядом с носилками, держал её за руку и считал пульс, а свободной рукой всё ещё прижимал к её щеке насквозь пропитанный кровью бинт. Раз, два, три... Он твердил про себя: «Только бы довезти. Только бы успеть».

— Не отвлекайся, командир, — прошептала она. Голос был слабым, но в нём ещё теплилась жизнь.

Кирилл смотрел на её лицо. На рану, которую зажимал бинтом. На бледные губы. На глаза — серые, как грозовое небо, — которые ещё смотрели на него. Не испуганно, а спокойно, как смотрят на того, кому верят.

— Ты справишься, — голос его был чужим, севшим.

— Знаю. Потому что ты здесь.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой — усталой, но живой. Уголки губ дрогнули, рана на щеке ещё кровоточила, но она уже улыбалась. Кирилл запомнил эту улыбку на всю оставшуюся жизнь.

— В следующий раз я буду аккуратнее.

— Не надо. Просто... не надо.

Она сжала его руку. Пальцы были холодными, но хватка — крепкой. Кирилл держал её ладонь, чувствовал, как пульс бьётся под кожей. Быстро, неровно, но ещё бьётся.

А потом — затих.

Не резко. Не как в кино. Просто одно биение, второе, третье — и тишина. Он ждал четвёртого. Не дождался.

— Полина?

Пальцы обмякли в его ладони. Глаза остались открытыми. Улыбка ещё держалась на губах — та самая, усталая, живая. Последнее, что она ему подарила.

Он закричал.

Проснулся от собственного крика. Сел на кровати, судорожно хватая ртом воздух. Пот заливал глаза, стекал по вискам, капал на скомканную простыню. Сердце колотилось где-то в горле. Он смотрел в темноту, на белую кружку «К.» с отбитой ручкой на тумбочке, и медленно возвращался в реальность.

Два года. Её не было два года.

Он закрыл глаза, зная, что через несколько часов — очередное открытие портала. Очередная партия Эхо. Очередные лица без улыбок.

Но сон уже тащил обратно. Ночь. Мокрая трава. И голос Полины: «Кирилл, тут дверь в подвал».

Странная штука — память. Ты не выбираешь, что помнить. Она выбирает за тебя. И каждый раз выбирает одно и то же.

Сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Кирилл сидел на кровати, уперев локти в колени, запустив пальцы в волосы — влажные, спутанные после сна. Перед глазами стояла картинка: мокрая трава, чёрный ход, голос Полины.

«Чисто».

Он знал этот сон наизусть. Каждый вдох, каждый шорох, каждую секунду до взрыва. И то, что было после. За два года сон не изменился. Только не становилось легче.

Говорят, время лечит. Врут. Время не лечит — оно учит. Учит жить с тем, что не лечится.

Ступни коснулись холодного бетона. Пол в жилом модуле всегда был холодным — кондиционеры работали на полную, выстужая помещение до температуры склепа. Кирилл посидел так ещё с минуту, привыкая к реальности. Затем встал, стянул футболку и прошёл в душевую.

Он включил воду — горячую, почти обжигающую. Пар заполнил тесную кабинку, запотело мутное зеркало над раковиной. Кирилл стоял под струями, уперев руки в кафель, и чувствовал, как напряжение медленно уходит из плеч. Вода барабанила по спине, по шее, смывая остатки кошмара. Сон отступал. Оставалась только реальность.

Вытерся насухо жёстким казённым полотенцем — серым, с выцветшей полосой по краю. Оделся не задумываясь: камуфляжные брюки, чёрная футболка, лёгкая тактическая куртка с нашивкой ОСПБ на рукаве. Рутинка. За два года стала второй натурой.

Под дверью уже лежала газета. Кирилл наклонился, поднял с пола влажный от росы бумажный свёрток. Бросил на кухонный столик, рядом с термочашкой. Пока заваривал кофе, развернул газету. Запах типографской краски — резкий, утренний, возвращающий в реальность. Он пробежал глазами по заголовкам.

«Эхо в Торонто предотвратило наводнение. Эвакуированы 50 тысяч человек».

«Секта "Дети Портала" требует признать Эхо святыми».

«ООН продлила мандат ОСПБ. Портал в Неваде останется под международным контролем».

Полина когда-то смеялась над его привычкой читать бумажную прессу. Называла «пенсией», говорила, что все нормальные люди давно в Кортексе. А Кирилл отвечал, что так информация лучше усваивается. И что от Кортекса аллергия — не врёт ведь. Она смеялась, запрокидывая голову.

Теперь это был ритуал. Один из немногих, которые остались. Как и термочашка — тёмно-синий металл с царапинами. Полина подарила её на следующий год после той самой чашки «К.», когда они уже стали напарниками. «Эта не разобьётся», — сказала она, протягивая свёрток, и улыбнулась — не той усталой улыбкой из сна, а другой, озорной. У неё было много улыбок. Эту он помнил особенно — она появлялась, когда Полина дарил подарки. Словно ей самой было неловко от собственной щедрости, и она пыталась скрыть это за нарочитой бодростью.

Кирилл отпил глоток. Кофе обжигал горло, но вкуса он почти не чувствовал. Давно перестал различать оттенки — просто горячая жидкость, помогавшая проснуться. Он вспомнил, как два года назад стоял перед этим же зданием — бывшим военным полигоном, превращённым в международную базу. Пригласили в ОСПБ через Интерпол: нужен был следователь с опытом работы в кризисных зонах, без привязки к какой-либо стране. Он согласился, потому что не мог оставаться в Москве. Потому что там была её квартира — та, куда однажды приехал среди ночи, чтобы помочь с прорванной трубой. Тогда до утра вытирали воду с пола, смеялись, пили чай на кухне, и он впервые подумал, что мог бы остаться. Но не остался. А теперь в той квартире было темно и тихо. И он не мог туда вернуться.

Он достал из ящика тумбочки старую фотографию. Полина стояла на фоне полицейской машины, в бронежилете, и смеялась — запрокинув голову, как всегда. Он не помнил, кто сделал этот снимок. Кажется, кто-то из опергруппы, после удачной облавы. Тогда задержали двоих, и Полина сказала: «Командир, у тебя кровь на рукаве». Он ответил: «Не моя». Она засмеялась, и кто-то нажал на кнопку.

Кирилл провёл пальцем по краю снимка. Бумага истрепалась — он доставал фотографию почти каждое утро. Посмотрел на её лицо — живое, улыбающееся — и убрал обратно в ящик. Не здесь. Не сейчас. Сегодня очередное открытие портала. Очередная партия Эхо. Очередные лица без улыбок.

Первое открытие портала он встретил с недоверием. Смотрел на мерцающий прямоугольник, на выходящих из него людей — точные копии тех, кто уже жил по эту сторону. Учёные говорили о параллельной Земле, о сдвиге времени на две минуты. Журналисты называли это чудом. Кирилл просто смотрел на лица прибывших — спокойные, ровные, без единой эмоции. Они не улыбались. Никто не придал этому значения. А он придал.

На тумбочке у кровати осталась чашка с отбитой ручкой. Белая, с кривоватой буквой «К». Он бросил на неё взгляд, прощаясь до вечера.

Коридор встретил его привычным запахом хлорки и приторного яблочного освежителя — смесью, которая въелась в бетон так глубоко, что он уже не замечал её, но чувствовал, если

она отсутствовала. Свет люминесцентных ламп заливал стены ровным, безжизненным белым — тем самым, который не даёт теней и от которого через несколько часов начинают болеть глаза.

База ОСПБ представляла собой лабиринт из четырёх уровней, врезанных в тело бывшего военного полигона. Верхний уровень — административный: кабинеты, комнаты наблюдения, КПП. Второй — жилой: модули для персонала, столовая, душевые. Третий — технический: лаборатории, серверные, медицинский блок. Четвёртый, самый глубокий, — изоляторы и сектор приёма, тот самый бетонный квадрат, куда выходили Эхо.

Кирилл знал здесь каждый поворот. Знал, что в третьем коридоре второго уровня вечно капает конденсат с потолка — влага собиралась в ржавые капли и падала на плечи, если он шёл слишком близко к стене. Знал, что лифты работают с задержкой в полторы секунды — старые военные механизмы, которые не меняли со времён постройки. Знал, что на стене у перехода с третьего уровня на второй кто-то выцарапал букву «М» — неровно, второпях, как будто тот, кто это делал, спешил. За два года букву не закрасили. Может быть, не замечали. Может быть, она тоже стала частью базы — как пятна в секторе приёма, как кружка с отбитой ручкой. Знал, что в столовой по утрам пахнет подгорелым тостом, а в переходе между вторым и третьим уровнями всегда сквозняк — вытяжка работала с переборами.

Стены здесь были повсюду одинаковыми: серый бетон, местами покрытый казённой кремовой краской, которая шелушилась у пола. Никаких украшений, никаких плакатов — только номера помещений, выведенные трафаретом. Кое-где трафарет сбился, и цифры двоились, как будто рука маляра дрогнула в последний момент. У комнаты 214 значилось «214», а под ней — едва заметный контур «213», который забыли стереть. И тишина. Особая, подвальная тишина, которую нарушал только гул генераторов — низкий, вибрирующий где-то в костях.

Он прошёл мимо столовой. За пластиковыми столами сидели трое охранников ночной смены — заканчивали ужин, который для них был завтраком. Один из них, пожилой, с седым ёжиком и старым шрамом на шее — из тех, что оставляют осколки, — поднял глаза на Кирилла и коротко кивнул. Кирилл кивнул в ответ. Охранник держал в руках кружку — точь-в-точь как та, что стояла у Кирилла на тумбочке. Белая, казённая, с синим ободком. Только у этой ручка была цела. Они не были знакомы, но видели друг друга каждое утро. Этого было достаточно.

Дальше — переход между уровнями. Здесь тянуло холодом из технических шахт. Воздух пах машинным маслом и озоном — где-то рядом работали серверные. Слева, в нише, которую не закрывали уже год, лежал забытый кем-то гаечный ключ. Рожковый, на четырнадцать, с затёртой маркировкой. Кирилл проходил мимо него каждое утро. Ключ не исчезал. Никому не был нужен. Как и многие вещи на этой базе, он просто существовал — без цели, без хозяйина. Кирилл ускорил шаг. Он не любил этот переход. Не потому что боялся — просто здесь всегда было слишком холодно, а холод напоминал ему о другом холоде. О том, который он почувствовал в пальцах Полины, когда пульс остановился.

КПП встретил его шлюзовой камерой — короткий коридор с двумя дверями. Пока первая не закроется, вторая не откроется. Мера безопасности, введённая после того, как один из Эхо попытался выйти за периметр. На внутренней стороне двери кто-то наклеил стикер — жёлтый, почти выцветший. Надпись: «Проверь пропуск». Последняя буква «с» стёрлась, и теперь стикер гласил: «Проверь пропу к». Никто не исправлял. Стикер висел уже полгода. Кирилл проверял пропуск. Он прошёл через шлюз. Охранник — молодой парень с веснушками на переносице, которого он знал в лицо, но не по имени, — молча проверил пропуск и отвернулся к мониторам. На его пульте, справа от клавиатуры, лежал огрызок яблока. Уже потемневший, но ещё не ссохшийся. Рядом — потрёпанный томик в мягкой обложке. Название было затёрто, но Кирилл знал: парень читает фантастику. Он заметил это месяц назад и ничего не сказал.

За второй дверью начинался административный уровень. Здесь было светлее — лампы не экономили, и коридор казался почти уютным по сравнению с нижними этажами. Кирилл

пошёл к комнате наблюдения, сжимая термокружку в руке. Сегодня очередное открытие портала. Очередная партия Эхо. Очередные лица без улыбок.

Комната наблюдения встретила его привычным запахом — смесью озона от аппаратуры, старого пластика и едва уловимого аромата ванили. Сара снова пекла ночью. Он чувствовал этот запах каждое утро, когда она приносила ему кексики, но в комнате наблюдения он появлялся только после её ночных смен.

Кирилл сел за пульт. Пластик был протёрт до металла в том месте, где он привык класть левую руку, — гладкий, почти отполированный годами. Мониторы уже работали, показывая пустой сектор приёма. Одиннадцать на одиннадцать метров бетона, ярко-оранжевая разметка, четыре прожектора под потолком. Пятна на бетоне у дальней стены не выводились уже два года — их закрашивали, мыли, но они проступали снова, как старая кровь.

— Ты сегодня рано.

Сара Миллер сидела за соседним пультом, закинув ногу на ногу. Носок туфли покачивался вверх-вниз, вверх-вниз — привычный ритм, который Кирилл слышал каждое утро. Ей было тридцать четыре, но выглядела она старше — не лицом, а глазами. Усталыми, с въевшейся тенью недосыпа. Короткие каштановые волосы она всегда убирала за уши, и одна прядь вечно выбивалась, падая на лоб. Сейчас Сара была в своей обычной одежде — тёмные брюки, светлая блузка, поверх которой накинут лабораторный халат с бейджиком «С. Миллер — аналитический отдел».

Она уже прогоняла списки ожидаемых, но при его появлении оторвалась от экрана. Взгляд задержался на нём чуть дольше обычного — Сара всегда так смотрела, когда замечала, что он не выспался.

— Опять? — спросила она тихо, без обычной шутливости в голосе.

Кирилл знал, о чём она. Он проговорился однажды — после особенно тяжёлой ночи, когда кошмар разбудил его дважды. Она тогда ничего не сказала, просто налила кофе и не задавала вопросов. С тех пор Сара всегда замечала. И он каждый раз жалел, что не смог промолчать.

— Всё в порядке, — ответил он, отводя взгляд.

— Ну да, конечно. — Она не поверила, но настаивать не стала. Вместо этого наклонилась, достала из сумки бумажный пакет и протянула ему. — Попробуй. Домашние. А то казённая еда на тебя плохо влияет.

Он заглянул в пакет. Кексик. Ещё тёплый, с лёгким запахом ванили. Сара пекла каждую неделю — говорила, что это её способ не сойти с ума в этом бетонном мешке. Иногда приносила ему, и отказаться было невозможно. Во-первых, действительно вкусно. Во-вторых, человечно. А человечности на этой базе не хватало.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она вернулась к экрану. Нога снова закачалась — вверх-вниз, вверх-вниз. Кирилл заметил, что Сара сменила туфли — сегодня были тёмно-синие, с потёртостями на носках. У неё было три пары, и он знал их все. Эта была самой старой, самой удобной. Значит, сегодня она планировала долгую смену.

Но через несколько секунд ритм сбился. Микропауза. Почти незаметная, но Кирилл заметил. Он провёл с Сарой бок о бок полтора года и знал этот ритм как свой собственный.

— Что-то случилось? — спросил он.

Сара помедлила. Пальцы замерли над клавиатурой. Потом она вздохнула — коротко, почти беззвучно.

— Сестра. Вступила в секту. «Дети Портала». Теперь считает, что Эхо — ангелы, а портал — врата рая.

— Сочувствую.

— Не надо. — Она покачала головой. — Взрослая. Сама выбрала. Но... — Сара замолчала, подбирая слова. — Когда мы были детьми, она боялась темноты. Приходила ко мне в комнату, залезала под одеяло и спрашивала: «Сара, а что если там кто-то есть?» А теперь верит, что «там» — рай. Может, это одно и то же. Страх и вера.

Кирилл не знал, что ответить. Он откусил ещё кусочек кексика, просто чтобы занять руки. Потом сказал:

— Ты не виновата.

— Я знаю. — Сара вернулась к экрану. — Но всё равно.

Она замолчала, вглядываясь в монитор. Кирилл заметил, как Сара чуть нахмурилась, пробегая глазами по данным. Что-то привлекло её внимание, но она ничего не сказала — просто продолжила работу.

Сирена взвыла в третий раз. До открытия — пятнадцать минут.

Кирилл допил остатки кофе и поставил термocupку на подставку рядом с монитором. Металл был уже едва тёплым. Он подошёл к бронированному стеклу, заложив руки за спину. Сектор приёма внизу был пуст — одиннадцать на одиннадцать метров бетона, ярко-оранжевая разметка, четыре прожектора под потолком, заливающие пространство безжалостным белым светом. Пятна на бетоне у дальней стены казались темнее обычного. Или это свет так падал.

— Волнуешься? — спросила Сара, не оборачиваясь.

— Нет.

— Врёшь.

Он не ответил. Она была права. Каждое открытие портала — как прыжок в неизвестность, не для него, для тех, кто выходил оттуда. Он просто стоял за стеклом и смотрел. Но сегодня что-то было иначе. Какое-то предчувствие, которому он не мог найти названия. Что-то тянуло под ложечкой — смутное, неоформленное, но настойчивое.

Сирена взвыла в последний раз.

Портал открылся ровно в восемь утра. Без звука. Без вспышки. Просто воздух в центре бетонного квадрата начал мерцать — как над раскалённым асфальтом в пустыне, хотя температура в секторе не поднималась. Потом мерцание сгустилось в прямоугольник. Края подсвечивались слабым голубым — тем оттенком, который не встречается в природе, который нельзя было назвать ни небесным, ни морским. Учёные называли это «черенковским излучением вакуума». Кирилл — «дыркой в реальность».

Первой вышла женщина. Короткая стрижка, лицо без морщин — кожа гладкая, как у манекена. Она не оглядывалась. Просто шагнула на разметку и замерла, ожидая дальнейших указаний.

Второй — высокий темнокожий мужчина. Пустой взгляд, какой бывает у людей после долгой болезни. Он тоже не смотрел по сторонам.

Третья, четвёртая, пятая, шестая. Все — с одинаковыми лицами. Не внешне. Внутренне. Будто кто-то стёр с них всё лишнее и оставил только форму.

Седьмая вышла последней.

Она двигалась медленнее остальных. Невысокая, хрупкая, но с той особой осанкой, которую Кирилл узнал бы из тысячи. Длинные волосы убраны в хвост — так она делала всегда, когда готовилась к серьёзному разговору. Или к штурму. Походка была её — чуть пружинистая, с носка на пятку. Он видел эту походку сотни раз: в коридорах управления, на оперативных выездах, в тот последний вечер, когда они шли к чёрному ходу.

Она остановилась на разметке. Подняла голову.

И Кирилл увидел её лицо.

Кровь отлила от лица. Пальцы, сжимавшие термocupку, онемели — не от холода, а от шока. Сердце ударило в груди — раз, другой, третий — и замерло, словно забыв, как биться

дальше. Он стоял, не в силах отвести взгляд, и мир вокруг сузился до одного лица. Её лица. Полины.

Два года ты убеждаешь себя, что всё кончено. Что ты отпустил. Что ещё немного — и забудешь. А потом реальность подносит зеркало, и ты понимаешь: ничего не кончено. Просто ты научился жить без воздуха и назвал это жизнью.

Она была точно такой, какой он её запомнил. Не как на фотографии — как в тот последний миг, когда она улыбнулась ему из машины скорой. Та же родинка над левой бровью — крошечная, почти незаметная, которую она всегда замазывала тональным кремом. Тот же шрам на левой щеке — тонкий, белый, оставленный не его иглой, а руками хирурга, но навсегда врезавшийся в его память. Те же длинные, музыкальные пальцы, которые он держал в своей руке, пока они не остыли.

«В следующий раз, командир».

Следующего раза не было. Но она стояла здесь.

А потом она улыбнулась. Не сразу — будто дала ему время узнать себя. Будто ждала, пока он осознает. Уголки её губ дрогнули, и на лице появилась та самая улыбка. Спокойная, почти тёплая. Как старым друзьям. Как будто ничего не случилось. Как будто она не умирала у него на руках два года назад.

— Кто это? — голос Сары донёсся как сквозь толщу воды.

Он смотрел на шрам, на родинку, на пальцы, которые когда-то держал в своей руке, пока они не остыли. Каждая деталь была на месте. Кроме одной — глаза. У той, живой Полины, глаза были серыми, как грозовое небо. А у этой — пустыми. Как у всех Эхо.

— Полина, — выдохнул он наконец. — Мой напарник. Она погибла два года назад. За два месяца до первого открытия портала.

Сара встала со своего места. Её нога больше не качалась.

— Этого не может быть, — голос её был твёрдым, но в нём слышалась тревога. — Эхо — это копии живых людей. Тех, кто существует здесь и сейчас. Ты сам знаешь протокол. Если Полина мертва...

— Она мертва.

— Тогда это не может быть её Эхо. Ты ошибаешься. Присмотрись внимательнее.

Термокружка выпала из его руки. Металл гулко ударился о пол, отскочил, покатился. Кофе растёкся тёмной лужей по линолеуму.

— Значит, она жива, — сказал Кирилл. Голос прозвучал ровно, почти спокойно. Чужой голос. Он поднял руку и указал на мерцающий прямоугольник. — Жива там.

Женщина за стеклом всё ещё улыбалась. Той самой улыбкой. Спокойной, почти тёплой. Как будто ничего не случилось. Как будто она не умирала.

Кирилл нагнулся, поднял термокружку. Металл был холодным. Кофе вылился весь.

Сирена взвывала снова. До закрытия портала — час двадцать.

Глава 2

Зона прибытия гудела, как улей. Семь Эхо — четверо мужчин и три женщины — стояли у терминалов, прикладывая пальцы к сканерам. Свет в этом отсеке был ярче, чем в комнате наблюдения, — безжалостный, медицинский, выбеливающий лица до фарфоровой бледности. Медперсонал в белых халатах сновал между ними, проверял показатели, делал пометки в планшетах. Пахло дезинфекцией — хлоркой пополам со спиртом, — так всегда пахло после открытия портала, сколько бы ни работали вытяжки.

Кирилл стоял у стены, сложив руки на груди, и наблюдал. Его поза была обманчиво расслабленной — на самом деле он фиксировал каждое движение, каждый жест, каждую заминку. Привычка, въевшаяся в кровь за годы службы. Каждое Эхо проходило стандартную процедуру: сканирование отпечатков, забор крови, экспресс-тест на совпадение ДНК с базой. Потом — карантинный блок, потом — медицинский осмотр, потом — допрос. Его допрос. Час на каждого, иногда больше. За два года он провёл сто двадцать таких допросов и не пропустил ни одного.

Работа следователя — это не поиск истины. Это коллекционирование деталей. Истина — всего лишь узор, который детали складывают без твоего участия.

Седьмую он держал в поле зрения.

Она стояла у дальнего терминала, терпеливо ожидая, пока медсестра возьмёт кровь. Движения у неё были плавными, но какими-то заученными — не как у живого человека, а как у танцора, который повторяет движения, выученные кем-то другим. Кирилл смотрел на её руки. Те самые длинные, музыкальные пальцы, которые он держал в своей руке, пока они не остыли. Сейчас они спокойно лежали на коленях — Седьмая сидела, выпрямив спину, и ждала.

Она не смотрела на него. Ни разу не посмотрела. Но он знал: она знает, что он здесь.

— Кирилл.

Сара подошла неслышно, планшет в руке. Она больше не качала ногой — когда работала с данными, замирала вся, превращаясь в статую. Он заметил, что она заменила свой обычный лабораторный халат на свежий — видимо, пролила кофе на предыдущий. На бейджике, чуть покосившемся, значилось «С. Миллер — аналитический отдел».

— Что у тебя?

— Отпечатки седьмой. — Она повернула экран к нему. — Совпадают с оригиналом.

Полина. Твой напарник.

Кирилл ждал чего-то подобного. И всё же внутри что-то оборвалось и упало в пустоту. Не удивление — подтверждение. Глухое, тяжёлое, как приговор.

Странно устроена надежда. Ты думаешь, что она помогает. А на самом деле она просто оттягивает момент, когда ты узнаешь то, что уже знал.

— Ты уверена?

— Система ошиблась бы на доли процента. Здесь совпадение полное. Это её отпечатки.

— Сара помолчала. — Но она мертва, Кирилл.

— Знаю.

— Тогда как...

Договорить она не успела. Коммутатор на поясе Кирилла завибрировал. Он поднёс его к уху.

— Волков. Срочно. МРТ-3. — Женский голос, сухой, без предисловий. И отбой.

Кирилл опустил коммутатор.

— Кто это? — спросила Сара.

— Не знаю. Но, кажется, меня ждут.

Медицинский блок встретил его холодом кондиционеров. Здесь всегда было на несколько градусов ниже, чем в остальной части базы, — оборудование требовало прохлады. Кирилл прошёл по коридору до двери с табличкой «МРТ-3», стараясь не смотреть на каталку, припаркованную у стены. На ней, под простынёй, угадывались очертания тела. Кого-то везли на вскрытие. Обычное дело для медицинского блока. Не его забота.

Он толкнул дверь.

В лаборатории царил рабочий беспорядок — тот особый, понятный только хозяину хаос, где каждая вещь лежит на своём месте, но постороннему кажется случайной. Мониторы, клавиатуры, стопки распечаток громоздились на столе. К одному из мониторов был приклеен стикер с формулой, написанной от руки — мелким, убористым почерком. В углу, на подоконнике, стояла засохшая орхидея в горшке — листья пожелтели и скрутились, но горшок не убрали. Может быть, ждали, что оживёт сама. Может быть, просто не доходили руки.

За пультом сидела женщина лет тридцати, азиатка, с усталыми глазами и собранными в пучок волосами. Несколько прядей выбились и свисали вдоль щёк — она то и дело заправляла их за уши, но они снова падали. На ней был стандартный белый халат, но рукава были закатаны до локтей, открывая тонкие запястья и старую травму — на левой руке не хватало фаланги на мизинце. Кирилл заметил это сразу. Заметил и кружку на столе — старую, с выцветшей надписью на незнакомом языке, кажется, мандаринском. Он не был уверен, но деталь зафиксировал. Детали были его работой.

— Это вы меня вызвали? — спросил он.

— Да. Садитесь. — Она указала на стул, не оборачиваясь.

Кирилл опустился на стул рядом с пультом. Женщина развернула экран к нему.

— Я Лин Чжан, технический специалист. Просмотрела сканы всех семерых. Хочу, чтобы вы посмотрели.

Голос у неё был ровный, деловой, но с лёгким акцентом — певучим, непривычным для американской базы. Позже он узнал, что она из Сингапура.

На экране возникло изображение мозга — серая масса, похожая на морского конька. Лин ткнула пальцем в определённый участок.

— Это гиппокамп. Здесь должна быть зубчатая извилина. У всех ста двадцати Эхо её нет. И у седьмой — тоже.

— Что это значит?

— Это значит, что они не могут формировать новые воспоминания. Не могут учиться. Не могут чувствовать.

— Седьмая улыбнулась. Смотрела на меня и улыбалась. Эхо так не делают.

Лин повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на интерес. Он впервые увидел её лицо полностью — острые скулы, тонкие губы, тёмные глаза, которые смотрели на него оценивающе, но без враждебности.

— Проверила. У других эмоциональных реакций нет. Только у неё. И есть ещё кое-что.

Она открыла другой файл — видео. Седьмая сидит на стуле в медицинском кабинете, медсестра берёт у неё анализы. В какой-то момент она поднимает руку и начинает крутить прядь волос. Движение быстрое, почти автоматическое.

У Кирилла перехватило дыхание. Не от удивления — от узнавания. Где-то внутри этой копии застрял осколок настоящей Полины. Её привычка. Её жест перед каждым штурмом.

— У неё есть привычка, — сказала Лин. — У других ничего подобного нет.

— Что это значит?

— Сохранила что-то от оригинала. Тот, кто их создаёт, не смог стереть. Или не заметил.

Кирилл смотрел на застывшее лицо на экране. Потом перевёл взгляд на Лин. Она сидела, подавшись вперёд, и в её глазах горел холодный, сосредоточенный огонь. Он уже видел такой

огонь — у следователей, которые напали на след. И у людей, которые потеряли кого-то и не могли остановиться.

— Почему вы копаете? — спросил он. — Зачем вам это?

Лин взяла кружку, сделала глоток. Кирилл заметил, что на левой руке не хватало фаланги на мизинце — старая травма. Она перехватила его взгляд и чуть нахмурилась, но ничего не сказала. Вместо этого поставила кружку и повернулась к нему всем корпусом.

— Вы должны понимать, с чем имеете дело. Портал — это пространственно-временная аномалия. Физики до сих пор спорят, что именно он собой представляет. Одни говорят — параллельная Земля, где время идёт на две минуты быстрее. Другие — что это «хвост» нашей собственной временной линии, где будущее уже случилось. Правды не знает никто.

Она открыла на экране схему — график с двумя линиями, пересекающимися в точке «Портал».

— Каждые 37 дней он открывается на выход. Это те четыре минуты, когда прибывают Эхо. Вы это знаете. Но есть и другой цикл.

— Какой?

— Каждые семь дней портал открывается на вход. Ненадолго — на несколько секунд. Этого достаточно, чтобы туда проникнуть. — Она помолчала. — Несколько человек пытались. Никто не вернулся.

Кирилл слушал молча.

— Мы не знаем, что происходит с телом на той стороне. Есть гипотезы — одна страшнее другой. Гарсия считал, что время там идёт иначе: наши секунды — это часы или дни там. Но подтвердить это нечем. Даже не знаем, можно ли там дышать.

— Но вы даёте мне карту, — сказал Кирилл. — Значит, считаете, что у меня есть шанс. Почему?

Лин помолчала. Потом развернула на экране другой файл — медицинскую карту. Его медицинскую карту.

— Аллергия на нейроинтерфейс. Проверила. У вас врождённая несовместимость с Кортексом. Мозг отторгает любые попытки цифрового подключения. — Она закрыла файл. — Гарсия считал, что порталом управляет некто... или нечто... с иной формой сознания. Не успел доказать гипотезу. Но был уверен, что это существо взаимодействует с людьми через нейроинтерфейсы. Читает, контролирует, отдаёт команды.

— А я для него — слепое пятно.

— Возможно. — Лин посмотрела на него. — Гарсия считал, что человек с такой особенностью может пройти незамеченным.

Она замолчала. Пальцы коснулись кружки, но не подняли её — просто легли на ободок, словно ища опору.

— Мой коллега Гарсия, — сказала она наконец. — Мы работали вместе. Он был старше меня на пятнадцать лет. Носил смешные свитера, которые вязала его жена. Каждое утро приносил мне чай — говорил, что я слишком много работаю и забываю есть. — Она помолчала. — Когда его нашли мёртвым, я не плакала. Я пошла в его лабораторию и скопировала все файлы. Плакать было некогда. А потом... потом я поняла, что даже не помню, сказала ли ему «спасибо» за тот чай. За всё время — ни разу.

Её пальцы на кружке побелели.

— Гарсия был учёным. Не следователем, не солдатом. Изучал аномалии, строил гипотезы, проверял расчёты. А потом начал копать. Я видела, как это его меняет. Он перестал спать, перестал улыбаться. Я пыталась его остановить. Говорила, что это не его дело, что он не должен лезть туда, где опасно. — Она подняла глаза на Кирилла. — Он не послушал. А я... я не настояла. Думала, обойдётся.

— Вы не могли знать.

— Могла. Я видела, как он уходил в тот вечер. Он был напуган. Я спросила: «Что случилось?» Он ответил: «Ничего. Всё в порядке». И я поверила. — Она помолчала. — На похоронах я видела его жену. Она держала за руки двоих детей — мальчика и девочку. Они не плакали. Просто стояли и смотрели в землю. И я поняла: это я должна была настоять. Должна была остановить его. Но не сделала.

Кирилл молчал. Он знал это чувство — вину перед теми, кого не уберёг. Оно никогда не проходит. Просто становится тише.

Вина — это не эмоция. Это архитектура. Ты строишь вокруг неё всю свою жизнь, а потом удивляешься, почему стены такие тесные.

— Вы — следователь, — сказала Лин. — Умеете копать. Умеете доводить дело до конца. Гарсия не умел. Он был учёным — искал истину, а не виновных. А истина его убила. — Она посмотрела Кириллу прямо в глаза. — Если вы доведёте это до конца, его смерть будет не напрасной. И я смогу... — она запнулась. — Смогу хотя бы отдать его жене ответ. Не деньги, не соболезнования. Ответ.

Лин открыла ящик стола и достала маленькую нейрокарту. На секунду задержала её в пальцах, словно взвешивая. Потом протянула Кириллу.

— Это сигнатура. Я нашла её в тех файлах. Если вы когда-нибудь попадёте на ту сторону... Возможно, пригодится. Большого сказать не могу.

Кирилл взял карту. Золотистые контакты блеснули под лампой.

— С чего вы взяли, что я пойду туда?

Лин посмотрела на него — не на экран, не на карту, а прямо в глаза. Потом перевела взгляд на монитор, где всё ещё горела карточка седьмой.

— Вы смотрели на неё. Знакомы с оригиналом? — Она не стала дожидаться ответа. — Не отвечайте, я знаю этот взгляд. Вы пойдёте за ней.

Кирилл спрятал карту в нагрудный карман.

— Подумаю.

— Не думайте слишком долго. Каждые семь дней портал открывается на вход, но никто, кто пытался проникнуть туда, не возвращался.

— Я не знал об этом.

Лин промолчала. Просто повернулась к экрану.

Кирилл вышел из лаборатории и остановился в коридоре. Сжал нейрокарту в кармане — острые края пластика впелись в ладонь. Боль отрезвляла.

«Никто не возвращался».

Он знал, что идёт на риск. Знал с того самого момента, как увидел её улыбку. Но теперь риск обрёл цифры, статистику, голос Лин — сухой, бесстрастный, как медицинский отчёт.

Странно устроен страх. Пока он абстрактный — ты можешь его игнорировать. Но как только он получает имя, дату, номер протокола — он становится реальнее тебя самого.

Кирилл посмотрел на часы. Через час — допрос. Первый допрос Эхо, которое когда-то было Полиной.

«Вы пойдёте за ней».

Лин не ошиблась. Он уже шёл.

Он стоял перед дверью. Табличка «Комната 7» — простая, казённая, белый пластик с чёрными буквами. Такие висели на всех дверях в этом коридоре. Кирилл смотрел на неё и считал вдохи.

Один. Два. Три.

На «три» он вспомнил, как она впервые назвала его командиром. Они стояли под дождём после облавы, и она сказала: «Командир, у тебя кровь на рукаве». Он ответил: «Не моя». Она улыбнулась — той самой живой улыбкой.

Четыре. Пять.

На «пять» он понял, что боится. Не того, что она скажет. Того, что он увидит в её глазах — ту же пустоту, что у остальных. Или, хуже, что-то знакомое. Что-то, что заставит его забыть, что она — не она.

Он толкнул дверь.

Полина сидела за пластиковым столом. Никаких наручников — протокол не требовал. Эхо не проявляли агрессии. Вообще ничего не проявляли. Прямая спина, взгляд перед собой. Кирилл уже видел эту осанку — так она сидела перед каждым штурмом, когда всё было проверено и оставалось только ждать. Но сейчас в этой позе не было напряжения. Только пустота.

Она была одета в стандартную серую робу — такую же, как у всех прибывших Эхо. Грубая ткань, безразмерный крой. Волосы, которые она всегда собирала в тугий хвост, сейчас были распущены — медсестра в карантине, видимо, сняла резинку при осмотре. Светло-русые пряди падали на плечи. У той, живой Полины, волосы были темнее. Или ему казалось.

Кирилл сел напротив. Достал диктофон, положил на стол. Красный огонёк замигал.

— Допрос ведёт Кирилл Волков, начальник отдела верификации ОСПБ. Присутствует Эхо номер семь.

Он поднял глаза. Она смотрела прямо на него — без страха, без интереса. И молчала. Просто ждала вопроса. Её глаза — серые, как у Полины — были пусты. Ни узнавания, ни любопытства, ни тени эмоции.

— Назовите своё имя.

— Полина.

Голос. Тот самый — мягкий, с лёгкой хрипотцой. Горло сжалось. Кирилл заставил себя продолжать.

— Вы знаете, где находитесь?

— Объединённая служба приёма беженцев. Невада. Сектор 7.

— Откуда вы это знаете?

— Мне сказали медики.

Он отложил ручку. Смотрел на неё — на лицо, на руки, которые лежали на столе. Пальцы крутили прядь волос — быстро, нервно. Та самая привычка. Кирилл знал, что она не осознаёт этого. Просто тело помнило то, что сознание забыло.

Тело — самый честный свидетель. Оно помнит то, что разум давно похоронил.

— Вы помните, что было до того, как вы вошли в портал?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Пустота.

— А момент перед пустотой?

Полина на секунду замерла. Пальцы перестали крутить прядь.

— Зачистка. Мы зашли по двое. Я впереди. Дверь. Стук. Крикнула «чисто». Потом — ничего.

У Кирилла перехватило дыхание. Тот самый момент. Она помнила его. Не свою смерть — но последние секунды перед ней. Он откашлялся, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Вы улыбнулись. Там, в секторе приёма. Когда вышли из портала. Помните это?

Полина посмотрела на него — в её глазах впервые мелькнуло что-то, похожее на замешательство.

— Не помню, чтобы улыбалась.

— Вы смотрели прямо на меня. И улыбались.

Она замолчала. Потом опустила глаза на свои руки.

— Не помню этого. Может быть, это была не я.

— А кто?

— Не знаю. Иногда кажется, что я делаю что-то не по своей воле. Будто кто-то другой управляет моим телом. А я просто смотрю.

Кирилл откинулся на спинку стула. В комнате было тихо — только гул вентиляции за стеной и шорох пальцев, снова крутивших пряжу. Он смотрел на неё и думал: эта женщина — не Полина. Она помнила факты, но не помнила чувств. Помнила зачистку, но не помнила, как держала его за руку в машине скорой. Помнила слова, но не помнила улыбки, с которой они были сказаны.

— Можно вопрос? — спросила она.

Кирилл удивлённо поднял глаза. За два года ни одно Эхо не просило разрешения задать вопрос. Они отвечали — да. Выполняли команды — да. Но не спрашивали.

— Один.

— Вы знали меня. Ту, другую. — Она не спрашивала, она утверждала. — Какая она была?

Он молчал. Слова застряли в горле. Он мог бы сказать: «Она была смелой». Или: «Она никогда не сдавалась». Или: «Она крутила пряжу волос, когда нервничала, и ты делаешь то же самое». Но всё это было бы правдой и неправдой одновременно. Потому что правда была в другом — в том, что он боялся произнести даже сейчас, даже после её смерти.

— Она была моим напарником, — сказал он.

Полина посмотрела на него долгим взглядом. И в этом взгляде почудилась тень той, прежней Полины — не узнавание, нет. Скорее отблеск. Словно она чувствовала, что за этими словами скрыто нечто большее.

— Этого недостаточно, — сказала она тихо.

Кирилл выдержал её взгляд.

— Знаю.

Он выключил диктофон. Встал. Направился к двери.

— Мы ещё поговорим, — сказал он, не оборачиваясь.

В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Она была там, за дверью. Живая, тёплая, дышащая. И совершенно чужая.

Глава 3

Кирилл вышел из допросной в половине одиннадцатого. В голове всё ещё звучал её голос. «Этого недостаточно». Он знал, что недостаточно. Знал, что она — копия, черновик, оттиск с оригинала. Но где-то внутри, в той части мозга, которая не подчинялась профессиональным протоколам, он всё ещё слышал её голос. Живой голос. Не тот, что прозвучал из портала, — чужой, запрограммированный. А настоящий.

Лин сказала: Гарсия мёртва. Сара подтвердила: отпечатки совпадают. Две улики, которые не складывались в картину, но указывали в одну сторону — в кабинет Моргана. Кирилл не доверял генералу. Но Морган был единственным, кто мог дать ответы. Или хотя бы приказать остановиться. И тогда Кирилл знал бы, что копает в правильном направлении.

Он не стал стучать.

В кабинете пахло табаком, хотя Морган не курил. Запах въелся в шторы, в обивку стула, в бумаги на столе — словно призрак прежних совещаний, когда здесь ещё собирались люди, а не функционеры. На стене висела карта мира с красными булавками. Сотни булавок. Тысячи спасённых жизней.

Морган сидел за столом. Без пиджака, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Ему было за пятьдесят — глубокие залысины, седина на висках, морщины, изрезавшие лоб и уголки губ. Он выглядел как человек, который когда-то был в хорошей форме, но годы и груз принятых решений состарили его раньше срока. Под глазами — тёмные мешки. На левой руке — старые часы с потёртым ремешком, которые он носил, кажется, ещё с первой войны в Персидском заливе.

Перед ним — пустой стакан и графин с водой. Ни кофе, ни виски. Только вода. Кирилл знал: не аскетизм. Дисциплина. Морган держал себя в форме, потому что стоило расслабиться — и всё, что он знал, раздавило бы его.

— Седьмая, — сказал Кирилл. — Полина. Мой бывший напарник. Погибла два года назад. За два месяца до первого открытия портала.

Морган отставил графин. Посмотрел прямо, без удивления. Взгляд у него был тяжёлый, оценивающий — взгляд человека, который привык принимать решения и нести за них ответственность.

— Видел её досье. Хороший была следователь.

— Она мертва. А сегодня её копия вышла из портала. Как это возможно?

— Никак. То, что выходит из портала — Эхо — не люди. Мы не знаем природу этого явления, и правил тоже не знаем. То, что в предыдущие циклы среди Эхо не было копий умерших, не значит, что это невозможно. — Морган помолчал. — Но ты прав: что-то здесь не так. Слишком много совпадений. Грядёт что-то, что изменит этот мир.

— Ты говоришь так, словно что-то знаешь.

Морган поднял глаза. В них мелькнуло что-то — не страх, не вина. Скорее, тень удивления. Словно он ждал этого вопроса и боялся его.

— Гарсия. Да. Он пришёл ко мне полтора года назад. Тогда мы думали, что из портала выходят беженцы с параллельной Земли, что время там опережает наше. А он сказал, что Эхо — не беженцы. Что это копии. Что оригиналы, возможно, остаются на той стороне. — Морган провёл ладонью по лицу. — Это меняет расклад, понимаешь? Если это копии, искусственно созданные люди, то это угроза. Что происходит с оригиналами там? Живы ли они? Или... — Он не закончил. — Я спросил, что будет, если закрыть портал. Он ответил: «Через месяц землетрясение в Токио. Триста тысяч погибших».

Морган замолчал. Кирилл ждал.

— Я дал ему неделю на анализы. Через неделю Гарсию нашли мёртвым. Инфаркт.

— Ты веришь в это?

— Нет. — Морган впервые за весь разговор посмотрел Кириллу прямо в глаза. — И ты не веришь.

— Кто его убил?

— Те, кому выгодна работа портала. Те, кто не хочет, чтобы правда вышла наружу. — Он помолчал. — У меня нет доказательств. Но есть догадки. И эти догадки не дают мне спать по ночам.

— И ты ничего не сделал.

— Сделал выбор. Выбрал жизнь. Трёхсот тысяч живых здесь и сейчас. Против неизвестного там. — Морган поставил стакан, так и не сделав глотка. — Это не оправдание. Это факт. Я администратор. Считаю цифры. Страдание не имеет веса в расчётах Совета Безопасности.

Он замолчал. Правая рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак — Кирилл видел, как побелели костяшки. Когда Морган заговорил снова, голос был тише и глуше.

— Сплю по три часа в сутки. Иногда не сплю совсем. Сижу здесь, смотрю на эту чёртову карту и думаю: каждая булавка — спасённая жизнь. Тысячи людей, которые никогда не узнают, что могли погибнуть. — Он разжал кулак и посмотрел на свою ладонь. — И цена. Я знаю цену. Гарсия знал. Ты теперь тоже знаешь.

Он поднял глаза на Кириллу. В них больше не было усталости. Было что-то другое — то, что Кирилл видел у людей, которые прошли через ад и не надеялись выбраться.

— Я не оправдываюсь. Просто хочу, чтобы ты знал: я плачу эту цену. Каждый день. И она не становится меньше.

— Если бы портал был закрыт — ты бы сделал этот выбор?

Кирилл молчал. Он мог бы сказать: «Нет». Или: «Я не знаю». Но и то, и другое было бы ложью. Он не был администратором и никогда не считал человеческие жизни цифрами. Но он не мог и осудить Моргана — сам ещё не стоял перед таким выбором.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но хочу узнать правду.

Морган кивнул — медленно, словно соглашаясь с чем-то, что давно решил про себя.

— У тебя есть семь дней. Следующее открытие портала на вход — через неделю. Те, кто пытался войти, не возвращались. Но у тебя есть то, чего не было у них.

— Аллергия на Кортекс.

— Да. Гарсия считал, что человек с такой особенностью может пройти незамеченным. — Он помолчал. — Не знаю, правда это или нет. Но это единственный шанс, который у нас есть.

— У нас?

— У тебя. Я своё уже сделал. — Морган взял графин, налил воды — впервые за весь разговор. Протянул стакан Кириллу. — Допуск остаётся. Освобождаю тебя от текущих обязанностей. Если кто-то спросит — выполняешь специальное поручение. Если будут копать — прикрою.

Кирилл взял стакан, но пить не стал. Просто держал в руке, чувствуя холод стекла.

— А если я не вернусь?

— Тогда я ничего не знал. Ты действовал по собственной инициативе. Я не смогу защитить тебя посмертно. — Он помолчал. — Но смогу сохранить твой допуск активным до последнего. На случай, если понадобится информация перед входом.

Кирилл поставил стакан на стол. Вода осталась нетронутой.

— Семь дней.

— Семь дней.

Кирилл вышел из кабинета Моргана и закрыл за собой дверь — мягко, без щелчка. В коридоре горел тусклый аварийный свет — половина ламп была отключена в целях экономии,

и длинный больничный коридор тонул в желтоватом полумраке. Часы на стене показывали начало двенадцатого. Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. А потом — портал.

Он ещё не знал, что скажет Полине. Или той, кто носил её лицо. Не знал, хватит ли этих семи дней, чтобы найти ответы, или он просто потратит их на подготовку к тому, чего нельзя подготовить. Но он знал, что уже не остановится.

В конце коридора кто-то стоял.

Лин. Она ждала, прислонившись к стене. Без халата, в простой тёмной водолазке, которая делала её ещё более хрупкой, чем обычно. Кружки в руках не было. Только усталые глаза, которые смотрели на него с тем же выражением, что и там, в лаборатории — без страха, но с пониманием.

— Вы говорили с Морганом, — сказала она. Не спрашивала — констатировала.

— Говорил.

— Рассказал про Гарсию?

— Рассказал. И про выбор.

Лин кивнула, словно ожидала именно этого.

— Не знаю, что он вам предложил. Но знаю, что вы согласились. — Она посмотрела на него. — У вас есть семь дней. Я могу подготовить то, что знаю. Данные, файлы, протоколы. Всё, что осталось после Гарсии.

— Вы рискуете не меньше меня, — сказал Кирилл. — Если те, кто убил Гарсию, узнают, что вы передали мне файлы...

— Знаю. — Она не дала ему договорить. — Но я уже рискнула. Когда скопировала файлы Гарсии в ту ночь. Когда начала искать аномалии. Когда вызвала вас сегодня. — Она чуть усмехнулась, но усмешка вышла горькой. — Я перестала бояться в тот день, когда стояла на похоронах и смотрела на его детей. Страх кончился. Осталось только... — она запнулась, подбирая слово. — Обязательство.

— Зачем?

— Потому что если не я — то кто? — Она снова усмехнулась, горько, без веселья. — Я уже слышала этот вопрос от вас. Теперь задаю его сама.

Кирилл смотрел на неё. На руки, которые она держала в карманах водолазки. На усталые глаза, в которых горел холодный, сосредоточенный огонь. Она не была солдатом. Она была учёным. Но она была здесь — и не уходила.

— Есть кое-что ещё, — сказала Лин. — Сегодня утром, ещё до открытия портала, в мою лабораторию приходили двое. В штатском. Показали предписание — плановая проверка. Обыскали стол, шкаф, компьютер. Спрашивали про файлы Гарсии.

— Кто их прислал?

— Предписание было за подписью Моргана. — Она помолчала. — Но когда я спросила его об этом после обеда, он сказал, что ничего не подписывал.

Кирилл замер. Две версии. Одна и та же подпись. Морган сказал ему в кабинете: «Я выбрал жизнь». Но если он лгал — если сам приказал обыскать лабораторию Лин — значит, его выбор был не таким пассивным, как он пытался показать.

— Ты веришь ему?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Но я знаю, что кто-то подделал его подпись. Или он лжёт. В обоих случаях это значит, что кто-то следит за нами.

— Или за мной.

— Или за вами. — Лин посмотрела ему прямо в глаза. — Вы задаёте те же вопросы, что и Гарсия. Он тоже начал с аномалий. А закончил мёртвым в гостиничном номере.

Кирилл молчал. В коридоре было тихо — только гул вентиляции и редкие шаги где-то за поворотом.

— Мне нужно время, — сказал он наконец. — Разобраться в том, что ты дала. Поговорить с Полиной ещё раз. Проверить, что Морган сказал правду.

— А если не сказал?

— Тогда я узнаю. И тогда будет на одного врага больше.

Лин сунула руку в карман водолазки и достала сложенный лист бумаги.

— Вот. Копия предписания. Я сделала скан до того, как они забрали оригинал. Может, пригодится.

Кирилл взял лист, развернул. Подпись Моргана в правом нижнем углу — размашистая, с характерным наклоном. Он не мог сказать, подлинная она или нет. Но теперь у него была ещё одна улика.

— Завтра, — сказал он, пряча лист в карман. — В лаборатории. Принеси всё, что знаешь.

Лин коротко кивнула. Развернулась и пошла по коридору. Спина прямая, шаги быстрые. Но у поворота она на секунду замедлилась, словно хотела что-то добавить.

— Кирилл.

Он обернулся.

— Гарсия тоже думал, что у него есть время. Не повторяйте его ошибок.

Она свернула за угол. Шаги стихли.

Глава 4

Сцена: Лаборатория Лин, 08:00

В лаборатории было холодно — кондиционер работал на полную мощность, хотя за окном пустыня ещё не успела нагреться. Здесь всегда было холодно. Лин говорила, что оборудование требует стабильной температуры, но Кирилл подозревал, что ей просто нравится прохлада. Он пришёл без пяти восемь, однако она уже сидела за пультом. Перед ней на столе лежали три предмета: пластиковая папка с файлами, знакомая чёрная флешка с потёртостями и сложенный лист бумаги.

— Вы не опоздали, — сказала она, не оборачиваясь. Лин сидела, подавшись вперёд, и что-то быстро печатала — пальцы порхали над клавиатурой с той особой, почти музыкальной скоростью, которая выдавала многолетнюю привычку.

— Я никогда не опаздываю.

— Это хорошо. Потому что времени мало.

Она развернулась к нему вместе со стулом. Под глазами залегли тени — Лин не спала. Кирилл заметил, что засохшая орхидея на подоконнике исчезла. На её месте стояла только пустая банка из-под растворителя с засохшей кисточкой внутри. Пахло старыми бумагами и реактивами — запах, который въедается в одежду и не выветривается даже после стирки.

— Это всё? — спросил он, кивнув на стол.

— Всё, что осталось от Гарсии. — Она подвинула папку. — Протоколы наблюдений за порталом. Частотный анализ. Гипотезы о природе аномалии. Не всё понимаю — там есть разделы, которые он не успел закончить. Но основное здесь.

Кирилл открыл папку. Первая страница — схема мозга, размеченная цветными маркерами. Дальше шли графики, таблицы, распечатки переписки.

— А это? — Он взял флешку.

— Записи с камер наблюдения за ночь его смерти. На основном сервере их удалили через час после того, как объявили об инфаркте. Я нашла копию в резервном хранилище.

— Кто удалил?

— Не знаю. Но на записи видно, кто выходил из его кабинета в ту ночь.

Кирилл взял флешку и вставил в коммутатор. Лин подвинулась, давая ему место, но комментировать не стала. Она уже видела эту запись. Теперь была его очередь.

В 01:47 Гарсия выходит из своего кабинета. Один. Идёт быстро, оглядывается — такой неуверенной походки Кирилл никогда не видел у учёных.

— Куда он идёт?

— В архив. За бумажными копиями. Он не доверял серверам. Говорил: «Если я умру, кто-то найдёт мои записи. Даже если они будут лежать в коробке из-под обуви».

Кирилл промолчал. Гарсия знал, что умрёт. Или подозревал.

В 02:15 Гарсия возвращается. В руках — папка, которую он прижимает к груди, как ребёнка. В 02:18 заходит в кабинет. В 02:20 из кабинета выходит другой человек.

Кирилл остановил запись. Увеличил изображение.

Мужчина. Среднего роста. В форме ОСПБ, но без знаков различия. Лица не видно — камера снимала сверху, и он опустил голову ровно настолько, чтобы остаться в тени.

— Он знал, где камера, — сказал Кирилл.

— Да. Не случайно опустил голову. Знал угол обзора. — Лин наклонилась к экрану и ткнула пальцем в рукав мужчины на стоп-кадре. — Вот здесь, на рукаве. Пятно. Я подняла записи с камер за предыдущие смены. На форме Ричарда Коула, который дежурил в ту ночь, такое же пятно видно за два дня до убийства и за день до него. На том же месте. Той же формы.

— Кофе? Грязь?

— Не знаю. Но это идентификатор.

Кирилл выключил запись.

— Что ещё известно о Коуле?

— Уволился через неделю после смерти Гарсии. Исчез. Ни счетов, ни перелётов, ни звонков. — Она помолчала. — Я подняла его личное дело. До ОСПБ служил в частной военной компании. Хорошая рекомендация от предыдущего командира. Ни одного взыскания.

Кирилл закрыл папку. Флешка всё ещё была в коммутаторе.

— Мне нужен адрес.

— Чей?

— Коула.

Лин покачала головой.

— Я уже искала. В личном деле — старый адрес, он съехал за месяц до увольнения. Нового нет. Счета закрыты, телефон молчит.

— А социальный номер?

— Есть. Но по нему ничего не проходит. Ни страховых выплат, ни медицинских записей. Будто человек перестал существовать.

Кирилл встал. Прошёлся по лаборатории — три шага до подоконника, три обратно.

— У тебя есть доступ к банковским транзакциям?

— Нет. Закрытая база. Нужен ордер.

— Ордера нет. Но есть кое-что другое.

Он достал коммутатор и набрал номер. Два гудка — ответили.

— Майклз. Это Волков. Ты ещё работаешь в IT-отделе? — Пауза. — Нет, ничего серьёзного. Помнишь, был мне должен за тот покер? Пора платить.

Лин приподняла бровь. Кирилл прикрыл микрофон ладонью.

— Старый знакомый. Играет в покер лучше, чем администрирует серверы. Но доступ у него есть.

— Вы хотите взломать банковскую базу?

— Я хочу проверить, платил ли Коул за что-нибудь в последние дни. Аренду. Бензин. Мотель. Если он жив — где-то платил.

— Вы понимаете, что это нелегально?

— Понимаю. — Он убрал ладонь и заговорил в трубку: — Майклз, мне нужен социальный номер. Пробей по банковским транзакциям за последнюю неделю. Да. Жду.

Кирилл положил коммутатор на стол и посмотрел на Лин. Она не выглядела убеждённой.

— Если Коул жив и прячется, он не станет светить картой.

— Станет. Если нет выбора. Если он скрывается не от полиции, а от тех, кто его нанял, — ему нужны наличные. Мог снять в банкомате. А банкомат — это адрес.

Лин молчала. Потом кивнула — не соглашаясь, но принимая правила игры.

— Хорошо. Пока вы ждёте ответа, я проверю кое-что ещё.

— Что?

— Предписание. То, с подписью Моргана. Я сравнила его с другими документами за его подписью. Наклон тот же, нажим тот же. Но есть одна деталь. — Она развернула экран. — Видите? Везде, где Морган ставит подпись, после росчерка остаётся микроточка — он на секунду задерживает ручку. А здесь её нет.

Кирилл наклонился к экрану. Две подписи рядом. Действительно — в одной микроточка после росчерка, в другой — чистый отрыв.

— Подделка.

— Да. Очень хорошая. Но подделка.

Коммутатор завибрировал на столе. Кирилл поднял трубку.

— Да. — Он слушал, не перебивая. Лин смотрела на него, замерев. — Понял. Спасибо.

Ты мне ничего не должен.

Он положил коммутатор и повернулся к Лин.

— Мотель «Ранчо». Лас-Вегас. Оплата картой, вчера вечером. Одна ночь.

— Это может быть не он, — сказала Лин. — Карту могли украсть. Или дать кому-то.

— Могли. Но других зацепок нет. — Кирилл взял со стола флешку, папку, копию предписания. — Я еду в Вегас.

— Прямо сейчас?

— Сейчас. Если Коул там — я должен успеть раньше, чем те, кто его ищет.

— А если это ловушка?

— Тогда хотя бы узнаю, кто её поставил.

Лин встала. Подошла ближе.

— Вы понимаете, что рискуете?

— Понимаю.

— И всё равно идёте.

— Иду.

Лин посмотрела на него. Пальцы, державшие передатчик, чуть дрогнули.

— Боитесь, — сказал Кирилл. Не спросил — констатировал.

— Да. — Она не стала отрицать. — Боюсь, что вы не вернётесь. Что я снова буду стоять на похоронах — только на этот раз не перед женой Гарсии, а перед... — она запнулась. — Перед пустым гробом. Потому что тела не будет. С той стороны не возвращаются.

— Знаю.

— И всё равно идёте.

— Иду.

Лин помолчала. Потом протянула передатчик — решительно, словно отрезая что-то.

— Тогда идите. И возвращайтесь. Я не хочу писать второе письмо с соболезнованиями.

Она помолчала. Потом протянула маленький прямоугольник — такой же, как нейрокарта, но с матовым покрытием.

— Аварийный передатчик. Если попадёте в беду — нажмите. Я услышу. И, возможно, успею.

— Возможно?

— Никаких гарантий. Но лучше, чем ничего.

Кирилл взял передатчик. Спрятал в нагрудный карман, рядом с нейрокартой.

— Спасибо.

— Не за что. — Лин отвернулась к монитору. — Идите. И возвращайтесь.

Кирилл вышел. В коридоре проверил ключи от машины — на месте. Четыре часа до Вегаса. Если повезёт — к вечеру он будет знать, кто убил Гарсию. Если не повезёт — окажется в том же мотеле, но уже в качестве мишени.

Он зашёл в свою комнату — в последний раз перед дорогой. Бросил взгляд на кружку «К.» с отбитой ручкой — она стояла на тумбочке, как всегда. Белая, с кривоватой буквой. Кирилл не взял её с собой. Только провёл пальцем по клеенному шву — быстро, почти машинально.

В ящике стола лежал старый пистолет — тот самый, с которым он прошёл ещё московские облавы. Кирилл не брал его в руки два года. Сегодня достал, проверил магазин, передёрнул затвор. Патрон вошёл в патронник с сухим щелчком. Он сунул пистолет в кобуру под курткой.

С термочашкой вышел в коридор. Запер дверь. Ключ оставил в замке — если не вернётся, пусть найдут быстрее.

Глава 5

Пустыня за окном была бесконечной — серой, выжженной солнцем, уходящей за горизонт. Кирилл выехал за ворота ОСПБ в начале первого и взял курс на юг, в сторону Лас-Вегаса. Четыре часа впереди. Четыре часа наедине с собой — этого не хотелось больше всего. Потому что в тишине салона начинали звучать голоса.

Он открыл окно. Горячий ветер ударил в лицо, принося запах пыли и сухой полыни. «Хонда» — старая, купленная здесь, в Неваде, два года назад — тянула ровно, без натуги. Она не была его машиной. Просто средство передвижения. Никаких воспоминаний, никаких ассоциаций. Кирилл выбрал её именно поэтому.

«Этого недостаточно».

Полина. Её голос — тот самый, с лёгкой хрипотцой. Она сказала это и посмотрела на него — не как на следователя, а как на человека, который знал её настоящую. И он не смог ответить.

Кирилл сжал руль. Кожаные вставки были стёрты до блеска — он водил эту машину уже два года, и руки привыкли к одним и тем же местам. Мысли перескочили на другое — на то, о чём он не думал уже давно. Два года назад, когда портал только открылся, никто не понимал, что происходит. Военные оцепили квадрат в пустыне, учёные спорили о природе аномалии, журналисты называли это чудом. А потом из портала вышли первые Эхо — точные копии живых людей. Они предсказали катастрофу, которую никто не ждал. Потом ещё одну. И ещё. Мир начал им верить.

Тогда Кирилл ещё работал в Москве. После смерти Полины он взял отпуск — сначала на неделю, потом на месяц, потом уволился совсем. Он не мог находиться в городе, где всё напоминало о ней. Агент из Интерпола, с которым они когда-то работали по совместному делу, предложил место в ОСПБ. Нужен был следователь с опытом допросов, без привязки к какой-либо стране. Кирилл согласился, потому что это было лучше, чем сидеть в пустой квартире и слушать тишину.

Он приехал в Неваду через три месяца после первого открытия портала. К тому времени ОСПБ уже превратилась в международную бюрократическую машину: приём, верификация, распределение. Эхо прибывали каждые 37 дней — пять, семь, десять человек за цикл. Они предсказывали катастрофы с пугающей точностью: теракты в метро, сходы лавин в Альпах, наводнения в прибрежных городах. За два года — ни одного ложного предсказания. Тысячи спасённых жизней.

Но с первого дня Кирилл заметил то, чего не замечали другие. Эхо не улыбались. Они говорили, отвечали на вопросы, выполняли команды — но никогда не проявляли эмоций. Ни страха, ни радости, ни удивления. Будто кто-то стёр с них всё лишнее и оставил только функцию.

Он докладывал об этом Моргану. Морган сказал: «Ты параноик, Волков. Это их культурная особенность». Кирилл не спорил. Но продолжал наблюдать.

И вот теперь — Полина. Единственное Эхо, которое улыбнулось.

«Почему она? Почему сейчас? Что в ней такого, чего нет в других?»

Лин сказала: сохранила привычку. Осколок оригинала. Может быть, улыбка — такой же осколок. А может быть, кто-то специально оставил его, чтобы Кирилл зацепился.

«Или чтобы пошёл за ней».

Он потянулся к радио — старый приёмник, шипящий помехами. Поймал волну местной станции из Лас-Вегаса. Диджей говорил что-то о погоде, потом о пробках, потом:

«А теперь — экстренное сообщение. Эхо номер семь, прибывшее сегодня утром, сделало своё первое предсказание. Цитируем: "Через месяц объект диаметром около трёхсот метров войдёт в атмосферу над восточным Средиземноморьем. Точка падения — центральный Изра-

иль". По предварительным расчётам, которые срочно провели в НАСА, речь идёт о метеорите. В Тель-Авиве уже началась паника. Тысячи людей пытаются покинуть страну. Равнины называют это "исходом" — говорят, что история повторяется, как во времена Моисея, когда народ уходил из Египта. Власти призывают сохранять спокойствие...»

А потом зазвучал её голос. Запись с терминала прибытия. Полина. Та самая, что несколько часов назад сидела напротив в комнате допросов — живая, тёплая, дышащая. Теперь её голос заполнил салон — монотонный, лишённый эмоций, словно она диктовала сводку погоды. Она произносила слова, которые определяли судьбу целой страны, и не знала этого.

Кирилл выключил радио. Тишина вернулась. Теперь в ней не было голосов. Только шум двигателя и свист ветра в щелях дверей.

Через час солнце начало клониться к закату. Пустыня окрасилась в оранжевый и фиолетовый — цвета, которые не встречались в природе нигде, кроме Невады. Кирилл опустил козырёк, защищая глаза, и продолжал ехать.

Он посмотрел на часы на приборной панели. Ещё три часа до Вегаса. До мотеля «Ранчо» — три часа и пятнадцать минут. Кирилл нажал на газ. «Хонда» послушно ускорила. Пустыня за окном оставалась серой, бесконечной, как время до встречи с Коулом — или с теми, кто ждал там вместо Коула.

Флешбэк Коула

Мотель «Ранчо». Несколько часов до прибытия Кирилла.

Комната 14 была маленькой и душной. Кондиционер не работал — из него торчал обрывок провода, и на пластиковой решётке осела многолетняя пыль. Коул сидел на кровати, сжимая в руке потухший коммутатор. Пот заливал лоб, но он не замечал. Он не включал устройство уже вторые сутки — после того, как понял, что его ведут.

Он знал, что его найдут. Знал с того момента, как согласился на эту работу. Тогда, полтора года назад, всё казалось простым: охранять периметр, следить за камерами, выполнять приказы. Потом появился Гарсия — учёный, который слишком много знал. Коулу приказали убрать его. Он выполнил приказ. Думал, что после этого его оставят в покое. Ошибся.

Те, кто его нанял, не оставляют свидетелей. Коул понял это слишком поздно.

Он посмотрел на фотографию на тумбочке — жена, дочь, смеются. Единственная вещь, которую он взял с собой. Снимок был старый, потёртый по краям, сделанный ещё до всего этого. Жена в светлом платье, дочь с бантом в волосах — ей тогда было шесть. Сейчас, наверное, уже восемь. Он не видел их полгода. Ему было запрещено. Правила игры, в которую он ввязался, не зная ставок. Коул думал, что защищает их. Теперь понимал, что подставил.

Время шло. Чувство опасности, сжатое в пружину в первые недели после смерти Гарсии, постепенно ослабло. Полтора года — слишком долгий срок, чтобы всё время ждать удара. Коул научился жить с этим. Перестал вздрагивать от каждого шороха. Почти убедил себя, что о нём забыли.

С улицы донёсся ритмичный бас — тяжёлый, вибрирующий. Коул встал, подошёл к окну, отёрнул занавеску. Пыльная ткань оставила на пальцах серый налёт. На парковку въезжал белый лимузин, украшенный лентами и цветами. Из него выходили молодожёны — она в пышном платье, он в съехавшем набок галстуке. Музыка гремела из наружных динамиков, заставляя дрожать оконное стекло.

Коул смотрел на них. Молодые, счастливые, пьяные. Они не знали, что где-то в пустыне открывается портал. Что где-то люди умирают в петле. Что где-то такие же, как они, исчезают без следа. Они просто жили.

Он почти улыбнулся.

А потом увидел, как на стекле возникают трещины — тонкие, расходящиеся лучами от центра. Одна, вторая, третья. Коул не услышал выстрелов. Только бас, дрожащее стекло — и мир померк.

23:15. Мотель «Ранчо». Лас-Вегас.

Мотель стоял на окраине, между шоссе и железнодорожными путями. Одноэтажное здание из бурого кирпича, неоновая вывеска с перегоревшей буквой «О» — теперь она читалась как «М ТЕЛЬ», — парковка на пять машин. Всё выглядело точно так, как Кирилл представлял. Слишком точно.

Он заглушил двигатель за квартал до мотеля. Вышел из машины, оставив ключи в замке зажигания — если придётся уходить быстро, каждая секунда на счету.

Он пошёл пешком. Вдоль забора, мимо мусорных баков, из которых пахло гнилыми фруктами и чем-то кислым. Мимо старого грузовика на кирпичах — ржавый остов, который стоял здесь, кажется, вечность. Луна висела низко — жёлтая, как старый фонарь. В отдалении, у главного входа, стоял белый лимузин с лентами на капоте. Музыка из его динамиков — тяжёлый, ритмичный бас — долбила по ушам. Молодожёны. Они праздновали, пока в нескольких метрах от них...

Кирилл отвёл взгляд. Пошёл дальше.

Номер 14 был в конце здания. Занавески задёрнуты, свет не горит.

Он встал у стены, прижался спиной к кирпичам. Кирпич был шершавым, нагретым за день, но уже остывающим. Кирилл прислушался. Тишина. Ни шагов, ни голосов, ни храпа.

Он достал выключенный коммутатор. Бесполезен. Лин предупредила: не включать. Значит, кто-то мог отслеживать сигнал. Кирилл сунул коммутатор обратно в карман. Постучал в дверь — три коротких удара.

Ничего.

— Коул, — сказал он негромко. — Я один. Без оружия. Коммутатор выключен.

Тишина.

Кирилл толкнул дверь. Она была не заперта.

Запах ударил в ноздри сразу — сладковатый, тошнотворный. Кровь. Ещё свежая, но уже начинающая сворачиваться. Кирилл замер на пороге, не переступая через следы на полу. Он включил фонарик на коммутаторе — луч выхватил комнату из темноты.

Кровать застелена. Тумбочка пуста. В ванной никого. На полу, у дальней стены — тёмные брызги. Мелкие, почти незаметные в тусклом свете. Кирилл не стал приседать, чтобы рассмотреть ближе. Он запомнил расположение, характер, цвет — этого было достаточно.

Луч фонаря скользнул по стене. Три отверстия. Маленькие, круглые, расположенные треугольником. Кирилл знал такие отверстия. Глушитель. Пули малого калибра. Профессионально, без шансов. Никаких следов борьбы — Коул не сопротивлялся. Может быть, даже не понял, что произошло.

Луч замер на тумбочке. Фотография. Женщина и девочка — смеются. Кирилл не прикоснулся к ней. Просто запомнил лица.

Кто знал о мотеле? Лин. Майклз. Он сам. И — если догадка верна — тот, кто слушал коммутатор.

«Прослушка».

Слово всплыло откуда-то из глубин сознания, холодное и точное. Лин говорила: «Кто-то следит за нами». Кирилл не придавал этому значения. Теперь придавал.

Он представил, что эти пули могли предназначаться ему. Три отверстия в стене — три отверстия в теле. Смерть без свидетелей. Мотель на окраине, неоновая вывеска с перегоревшей буквой. Никто бы не стал искать.

Кирилл вышел из номера — аккуратно, не прикасаясь к дверной ручке. Он закрыл дверь локтем. Пошёл к машине — не оглядываясь, но каждую секунду ожидая выстрела в спину. Каждый шаг отдавался в позвоночнике. Бас из лимузина всё ещё гремел, заглушая все остальные звуки. Он не слышал, идёт ли кто-то за ним. Просто шёл.

Кирилл сел в «Хонду». Завёл двигатель.

В зеркале заднего вида мотель «Ранчо» горел перегоревшей буквой «О». Он выехал на шоссе и нажал на газ. Руки на руле не дрожали. Но где-то внутри, под рёбрами, разрастался холод.

«Кто-то слушает коммутатор. Кто-то знает каждый шаг. Кто-то опередил меня на два часа».

Кирилл ехал в сторону пустыни. В сторону ОСПБ. В сторону портала, до открытия которого оставалось шесть дней.

Глава 6

ОСПБ. Комната Кирилла. 04:30 утра.

Кирилл вернулся за час до рассвета.

Пустыня встретила его холодом — ночная температура упала почти до нуля. Он заглушил двигатель на парковке, но не вышел сразу. Сидел, смотрел на серое здание общежития, на тусклые огни в окнах. Одно окно горело — комната Сары. Она снова не спала. Может быть, пекла очередную партию кексиков. Может быть, просто смотрела в потолок, как он сам.

Обратный путь занял те же четыре часа, но тянулись они вдвое дольше. Кирилл прокручивал в голове одно и то же: кто слушал коммутатор? Кто опередил его на два часа?

И главное — зачем? Что такого мог узнать Коул, чего не знал Гарсия? Что такого было на той стороне портала, что ради этого убивали людей?

«Если бы дело было только в предсказаниях — никто бы не убивал. Предсказания спасают тысячи. Их бы охраняли, а не скрывали. Значит, есть что-то ещё. Что-то, что перевешивает пользу от Эхо. Что-то, что нельзя допустить наружу».

Кирилл вспомнил слова Лин: «Гарсия предполагал, что оригиналы остаются там». Но она не сказала, что с ними происходит. Не знала? Или не хотела говорить?

«Если оригиналы живы — где они? Если мертвы — почему копии выходят сюда? И почему не улыбаются?»

Вопросы множились, ответов не было. Он знал только одно: кто бы ни стоял за этим, он был внутри ОСПБ. И был готов убивать.

На полпути к базе, когда бензина оставалось на четверть бака, Кирилл свернул на придорожную заправку. Тусклый свет, пустая парковка, ночной ветер, гоняющий пыль по асфальту. У колонки стояла девушка в короткой юбке и потёртой кожаной куртке — ждала клиента. Он подошёл, достал пятнадцать долларов.

— Мне нужен твой коммутатор. На полчаса. Просто постоишь здесь.

Она посмотрела на деньги, на него — оценивающе. Потом пожала плечами и протянула устройство.

Кирилл отошёл в сторону. Набрал номер Майклза по памяти — не сохраняя в чужой памяти.

— Майклз. Это Волков. Молчи и слушай. Мой коммутатор прослушивают. Мне нужно знать, как проверить.

Майклз присвистнул.

— Код диагностики знаешь? Звёздочка-ноль-три-решётка. Откроешь скрытое меню. Там смотри фоновые процессы. Если есть активный канал, который ты не открывал — это оно.

— Понял.

— И ещё. Не вздумай отключать. Поймут, что ты их засёк. Лучше просто молчи при коммутаторе. Или говори то, что они хотят слышать.

— Спасибо. Ты мне ничего не должен.

Кирилл вернул коммутатор девушке. Она всё ещё стояла у колонки, кутаясь в куртку.

— Всё?

— Всё.

— Странный ты.

— Знаю.

Он сел в машину и поехал дальше. Теперь он знал, как проверить. Оставалось дожидаться утра.

Кирилл достал коммутатор. Открыл скрытое меню — звёздочка-ноль-три-решётка. Экран мигнул, показывая списки процессов. Активный канал. Фоновый сигнал. Слабый, почти незаметный. Но постоянный.

«Прослушка. Майклз был прав».

Кто-то слушал его. Кто-то знал о каждом звонке, о каждом разговоре с Лин, о каждом шаге. Кто-то внутри ОСПБ.

Кирилл не стал отключать канал. Просто выключил экран и положил коммутатор на тумбочку. Пусть слушают тишину. Пусть думают, что он спит.

Он снял куртку, повесил на спинку стула. Достал из ящика старый блокнот — бумажный, аналоговый, который не взломать. Написал на первой странице:

«Прослушка. Внутренний код. Свой».

Ниже: «Коул мёртв. Кто знал о мотеле? Лин, Майклз, я. Четвёртый — тот, кто слушал».

И ещё ниже: «Зачем? Что скрывают? Что на той стороне?»

Кирилл закрыл блокнот. Сунул в карман. Коммутатор оставил на тумбочке — пусть лежит. Теперь он будет говорить только лицом к лицу. И только с теми, кому доверяет.

08:00. Медицинский блок. Лаборатория Лин.

Лин была уже на месте — сидела за пультом, с кружкой остывшего чая. Когда Кирилл вошёл, она подняла глаза и сразу всё поняла — по его лицу, по тому, как он закрыл за собой дверь и не положил на стол коммутатор. Она выглядела так же, как вчера, — усталой, но собранной. Только тени под глазами стали глубже. На столе рядом с клавиатурой лежал надкусанный батончик мюсли — видимо, её завтрак. Или ужин.

— Вы без него.

— Прослушка. Внутренний код. Кто-то из наших. — Кирилл сел напротив. — Коммутатор остался в комнате. Пусть слушают тишину.

— Вы уверены?

— Майклз подтвердил. Я звонил ему с чужого номера. С заправки.

Лин откинулась на спинку стула. Пальцы сжали кружку — Кирилл видел, как побелели костяшки.

— Если они знают о вас, то знают и обо мне. О файлах. О карте.

— Бойтесь?

— Да. — Она не стала отрицать. — Гарсия тоже думал, что его никто не слышит. — Лин помолчала. — Но теперь хотя бы здесь мы можем говорить свободно.

— У нас шесть дней. — Кирилл посмотрел на неё. — Вы сказали, что поможете с оборудованием.

Лин кивнула. Открыла ящик стола и достала маленький чёрный браслет.

— Начнём с этого.

Лин достала из ящика маленький чёрный браслет — гладкий, без кнопок, без экрана. Только тонкая серебристая полоска на внутренней стороне. Он выглядел как дешёвый фитнес-трекер, но Кирилл знал, что внутри — сложнейшая нейроэлектроника.

— Наручный монитор. Носите не снимая. Он считывает нейропаттерн и сравнивает с эталонным, который мы запишем сегодня.

— Откуда вы знаете, что это понадобится?

Лин помолчала. Потом открыла на экране файл — старый, с пометкой «Гарсия. Гипотезы. Не проверено».

— Гарсия оставил записи. Он предполагал, что порталом управляет нечто — не человек, не программа в обычном смысле. Он не успел доказать гипотезу. Но был уверен в одном: это существо взаимодействует с сознанием. Может читать мысли. Внедрять образы. И, возможно, говорить голосами — вашими голосами. Прямо в голове. Так, что вы не отличите эту мысль от своей собственной.

— И вы верите в это?

— Я верю в то, что Гарсия был прав во всём остальном. — Лин посмотрела на браслет. — Если на той стороне кто-то попытается говорить вашим голосом, монитор это заметит. Чужое сознание изменит нейропаттерн. Загорится красный.

Кирилл смотрел на браслет. Потом поднял глаза на Лин.

— Если он может говорить моим голосом, как я пойму, что это не я? Что это не моя мысль?

— В этом и смысл тренировок, — сказала Лин. — Представьте: вы на той стороне. Один. Слышите свой внутренний голос — тот самый, которым думаете каждый день. Он говорит: «Поверни налево». Или: «Открой эту дверь». Или: «Доверься мне». Это может быть ваша мысль. А может — чужая, маскирующаяся под вашу.

— Как отличить?

— По интонации. Вы — человек. Вы сомневаетесь. Ваш внутренний голос делает паузы, колеблется, переспрашивает. А тот, кто говорит извне, — нет. Он не сомневается. Он будет звучать уверенно, без пауз. Как диктор. Как автомат. — Лин помолчала. — Если вы подчинитесь чужому голосу, считая его своим, — вы станете марионеткой. Будете делать то, что вам прикажут, и не знать об этом.

— И браслет должен меня предупредить.

— Да. Но есть три процента ошибки. Если браслет не сработает, вы останетесь один на один с голосом. И тогда единственное, что вас спасёт, — умение слышать ложь. Сейчас вы не умеете. Никто не умеет. Мы учимся с нуля. — Она указала на кресло. — Начнём.

Кирилл застегнул браслет. Зелёный свет мигнул и погас. Металл был холодным — холоднее, чем воздух в лаборатории.

— Садитесь, — сказала Лин. — Начнём с записи эталонного паттерна.

Кирилл сел в кресло. Лин закрепила датчики на висках, запястьях, груди — холодные металлические кружочки, пахнущие спиртом. Экран над креслом засветился синим. Свет был мягким, но проникал, казалось, прямо в мозг.

— Закройте глаза. Дышите ровно. Ни о чём не думайте.

Он закрыл глаза. Пытался не думать. Не получалось. Перед глазами стояла комната в мотеле. Тёмные брызги на полу. Три отверстия в стене.

— Вы думаете о мотеле, — сказала Лин. — Я вижу по датчикам.

— Я пытаюсь не думать.

— Не пытайтесь. Просто дышите.

Кирилл дышал. Считал вдохи. Один, два, три. Пятно на полу становилось больше. Потом исчезло.

— Хорошо. Теперь представьте, что вы на той стороне. Вы входите в портал.

Он представил. Мерцающий прямоугольник. Запах озона. Серый бетон сектора приёма. Он делает шаг — и тишина. Не пугающая. Зовущая. Он увидел застывшую каплю дождя в воздухе — стеклянную, холодную. Она висела перед ним, как маленькая планета.

— Паттерн изменился, — сказала Лин. — Вы боитесь?

— Да.

— Хорошо. Страх — это нормально. Бояться — значит быть живым.

Она отключила аппарат. Сняла датчики.

— Хватит на сегодня. Вы устали.

— Я в порядке.

— Вы не в порядке. — Лин убрала датчики в ящик. — Идите. Пospите хотя бы пару часов. Завтра начнём тренировки.

Кирилл встал. Посмотрел на браслет. Зелёный свет горел ровно.

— Он всегда будет зелёным?

— Пока вы — это вы. — Лин отвернулась к монитору. — Завтра в восемь.

Лин включила симулятор. Экран над креслом засветился синим.

— Я буду проигрывать голоса. Вы должны сказать — ложный или настоящий.

— А настоящий будет?

Лин посмотрела на него.

— Не знаю. И вы не знаете. В этом и смысл.

Первый голос был мужским. Низкий, с хрипотцой. Он говорил что-то про погоду — безобидное, бытовое. Кирилл слушал, пытаясь уловить фальшь. Голос звучал ровно, без единой запинки. Как метроном.

— Ложный.

— Почему?

— Слишком ровно. Будто читает с листа.

— Хорошо. Следующий.

Второй голос был женским. Мягкий, с лёгкой картавинкой. Он напомнил Кириллу кого-то из прошлой жизни — может, свидетельницу на одном из допросов. Голос говорил о сыне, о школе, о домашнем задании. Слишком подробно. Слишком правильно.

— Ложный.

— Почему?

— Настоящий человек не вспоминает такие мелочи, когда волнуется. Он сбивается. А этот — нет.

— Хорошо.

Третий голос заставил Кирилла замереть.

«Ты не сможешь меня спасти».

Полина. Её голос — тот самый, с лёгкой хрипотцой. Тот, что он слышал сегодня в допросной. Тот, что звучал в его кошмарах два года подряд.

Кирилл молчал. Датчики на висках запищали — сердцебиение подскочило.

— Волков? — голос Лин донёсся как сквозь толщу воды. — Вы должны ответить. Ложный или настоящий?

Он не мог. Голос Полины звучал в голове, и каждое слово било под дых. «Ты не сможешь меня спасти». Это было правдой. Он не смог тогда, в машине скорой. Не сможет и сейчас.

— Волков!

— Ложный, — выдохнул он наконец.

— Почему?

— Потому что она не сказала бы этого. Она сказала бы... — Кирилл запнулся. — Она сказала бы: «Не пытайся».

Лин выключила симулятор. В лаборатории повисла тишина.

— Вы ошиблись.

— Что?

— Вы должны были ответить сразу. А вы ждали. Вы слушали этот голос и не могли отличить его от настоящего. — Лин посмотрела на него. — Если бы это была не тренировка, вы бы уже были марионеткой.

Кирилл молчал. Пот стекал по вискам. Датчики всё ещё попискивали.

— Ещё раз.

Лин включила аппарат. Голоса атаковали волнами — мужские, женские, детские. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то читал стихи. Кирилл отбивался: «ложный», «ложный», «ложный». Один раз он принял женский голос за мужской — просто перепутал, усталость брала своё.

Потом снова голос Полины.

«Я знала, что ты придёшь».

Кирилл сжал подлокотники кресла.

— Ложный.

— Почему?

— Потому что она не знала. Она умерла до того, как я успел что-либо сделать.

Лин выключила аппарат. Сняла датчики.

— Хватит на сегодня. Вы устали.

— Я в порядке.

— Вы не в порядке. — Лин убрала датчики в ящик. — Но для первого раза — неплохо.

Вы слышали разницу. Не сразу, но слышали.

Кирилл встал. Ноги были ватными, голова гудела.

— Её голос будет звучать там?

— Не знаю. — Лин посмотрела на него. — Но если будет — вы должны быть готовы.

Он посмотрел на браслет. Зелёный свет горел ровно.

— Завтра в восемь, — сказала Лин. — И постарайтесь поспать. Хотя бы пару часов.

Кирилл кивнул и вышел.

Глава 7

Вечером после первой тренировки Кирилл понял, что не может сидеть в четырёх стенах. Голоса из симулятора всё ещё звенели в голове. Голос Полины — «Ты не сможешь меня спасти» — звучал громче остальных.

Он взял пикап — старую «Хонду», которая знала его лучше, чем кто-либо на этой базе, и поехал в город. По пути заскочил в круглосуточный магазин электроники на окраине, купил дешёвый одноразовый коммутатор. Старый, с прослушкой, остался в комнате — пусть слушают тишину. Этот будет чистым. Хотя бы на время.

Бар на окраине, где не задавали вопросов. Он заказал виски, выпил половину, оставил вторую нетронутой. Просто сидел и смотрел, как лёд тает в стакане. Через час ушёл.

Обратная дорога была пустой. Шоссе, разрезающее пустыню, луна над головой, звёзды — яркие, холодные. Он ехал не быстро, думая о том, что завтра снова тренировка. Снова голоса. Снова попытки отличить ложь от правды внутри собственной головы.

Машина выехала на прямой участок. Он нажал на газ. И тут услышал хлопок — короткий, резкий, где-то под днищем. На панели замигал индикатор тормозной системы.

А потом из-за поворота вылетел грузовик. Дальний свет ударил в глаза. Встречная полоса. Прямо на него.

Кирилл ударил по тормозам. Педаль ушла в пол.

Мгновенная вспышка адреналина. Он рванул руль вправо, уходя от лобового столкновения. «Хонда» вильнула, слетела с шоссе, пронеслась по гравию и нырнула в кювет. Он успел повернуть руль — машина не влетела в бетонную стенку канавы, а заскрежетала боком по земле, замедляясь. Удар. Темнота на секунду. Потом тишина.

Холодная вода начала заполнять салон.

Кирилл открыл глаза. Он висел на ремне безопасности, плечо болело, в ушах звенело. Вода поднималась быстро — кювет был дренажным, и после вчерашнего дождя он был полон. Тогда он отстегнул ремень, сдёрнул его с катушки и, перехватив за металлическую пряжку, коротко, без замаха ударил в угол стекла. Стекло пошло трещинами и осыпалось. Этому учили в Москве, на курсах МЧС, куда их с Полиной отправили после одного неудачного штурма. «Не локтем, не кулаком — замком ремня. И только в угол». Он выбрался наружу, цепляясь за траву на краю кювета.

Через минуту он стоял на краю кювета, мокрый, тяжело дыша. Машина медленно погружалась в тёмную воду. Грузовик исчез за поворотом — водитель, возможно, даже не заметил, что едва не убил человека.

«Хлопок под днищем. Тормоза отказали. Случайность?»

Он знал, что нет. Кто-то подложил заряд под днище — небольшой, дистанционный. Тот, кто слушал его коммутатор, знал, что он поедет в город. Знал, когда он вернётся. И ждал.

Кирилл посмотрел на тёмную воду кювета, где скрылась его машина. Потом развернулся и пошёл пешком в сторону базы.

До базы было три мили. Он шёл по обочине, не пытаясь голосовать. Встречные машины проносились мимо, обдавая его пылью и горячим воздухом. Он не оборачивался. Мокрая одежда прилипла к телу, плечо болело — похоже, растяжение, не перелом. Синяки будут завтра. Если завтра наступит.

«Заряд под днищем. Дистанционный подрыв. Кто-то знал, что я поеду в город. Знал, когда вернусь. Знал, где я буду».

Он перебирал в голове имена. Майклз? Нет, Майклз был должен ему за покер и только что помог вычислить прослушку. Морган? Морган дал ему карт-бланш и семь дней. Зачем ему убирать того, кого он сам отправил? Лин? Лин рисковала не меньше него. Сара? Сара приносила ему кексики и волновалась о сестре.

«Кто-то ещё. Кто-то, кого я не вижу. Кто-то, кто знает каждый мой шаг».

Он вспомнил слова Моргана: «Те, кому выгодна работа портала». И слова Лин: «Кто-то из наших». Теперь этот кто-то перешёл от прослушки к действию. Покушение выглядело как несчастный случай: выпил, не справился с управлением, слетел в кювет. Никто бы не стал копать. Следователь ОСПБ, бывший оперативник, разбился на пустой трассе — трагично, но не подозрительно.

«Они не знают, что я выжил. Пока не знают».

Он дошёл до КПП в начале четвёртого утра. Охранник — тот самый молодой парень — удивлённо поднял голову.

— Сэр? Что случилось?

— Авария. Съехал в кювет. — Кирилл показал удостоверение. — Машина осталась там. Заберу утром.

— Вы в порядке?

— В порядке.

Он прошёл через турникет. В жилом модуле стянул мокрую одежду, бросил на пол. Достал из ящика старый блокнот. Дописал вчерашнюю запись:

«Прослушка. Внутренний код. Свой».

Ниже: «Покушение. Заряд под днищем. Дистанционный подрыв».

И ещё ниже: «Кто знал, что я поеду в город? Кто знал, когда вернусь? Кто-то внутри. Кто-то, кого я не вижу».

Закрыв блокнот. Сунул в карман. Лёг на кровать, не раздеваясь. Потолок. Трещина. Зелёный свет браслета.

«Шесть дней. Теперь они знают, что я жив. И попробуют снова».

Он закрыл глаза. Спать не хотелось. Хотелось найти того, кто за это ответит.

На следующее утро Кирилл пришёл в лабораторию на час раньше обычного. Лин сидела за пультом, но при его появлении сразу встала — слишком резко, едва не опрокинув кружку.

— Вы живы, — сказала она. Не спросила. Констатировала факт с явным облегчением. — Я слышала про аварию. Охранник на КПП рассказал.

— Это была не авария. — Кирилл закрыл за собой дверь. — Кто-то подложил заряд под днище. Тормоза отказали. Я слетел в кювет.

Лин опустила обратно на стул. Её лицо побелело.

— Вы уверены?

— Я слышал хлопок перед тем, как отказали тормоза. — Он не стал уточнять детали. Сейчас это было не важно. — Кто-то пытался меня убрать. Тихо, под видом несчастного случая.

— Они знают, — прошептала Лин. — Они знают, что мы работаем вместе. Что вы копаете. Что я передала вам файлы.

— Знали с самого начала. Прослушка на коммутаторе, обыск в лаборатории, а теперь это. — Он посмотрел на неё. — Вы всё ещё хотите мне помочь?

Лин подняла глаза. В них был страх — настоящий, липкий. Но когда она заговорила, голос звучал ровно.

— У меня нет выбора. Если они уберут вас, они придут за мной. Если мы остановимся сейчас, Гарсия погиб зря. — Она помолчала. — Я не хочу, чтобы его смерть была напрасной.

— Тогда продолжим.

— Да. — Она встала, подошла к креслу с датчиками. — Садитесь. Времени мало. Если они попробовали один раз, попробуют снова. Вы должны быть готовы.

Кирилл сел в кресло. Лин закрепила датчики — быстрее, чем вчера, почти механически. Но её пальцы дрожали.

— Сегодня будем работать с голосами, — сказала она. — Вчера вы замешкались на голосе Полины. Этого нельзя допустить.

— Я понимаю.

— Нет. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Не понимаете. Там, на той стороне, не будет тренировки. Не будет симулятора. Не будет меня, чтобы сказать: «Вы ошиблись». Там будет только вы и тот, кто попытается говорить вашим голосом. И если вы замешкаетесь хоть на секунду — вы мертвы.

Кирилл молчал.

— Начинаем. — Она включила аппарат. Экран засветился синим.

Лин включила аппарат. Экран засветился синим.

— Сегодня будет сложнее. Вчера голоса шли по одному. Сегодня они будут смешиваться. Настоящий голос может прозвучать среди ложных. Или не прозвучать. Вы должны не просто отличить — вы должны почувствовать.

— Как?

— Не знаю. — Она посмотрела на него. — Это как с ложью на допросе. Вы же чувствуете, когда подозреваемый врёт? Не по словам — по тому, как он их произносит. Здесь то же самое. Только подозреваемый — внутри вас.

Она нажала кнопку.

Голоса обрушились волной. Мужской, женский, детский — все одновременно. Кто-то говорил о погоде, кто-то читал стихи, кто-то смеялся. Кирилл сосредоточился, пытаясь вычленивать каждый по отдельности.

— Ложный, ложный, ложный, — отбивал он. Пальцы сжимали подлокотники. — Ложный. Настоящий. Ложный.

Лин остановила запись.

— Ошибка. Третий голос — вы сказали «ложный», но он был настоящим. Это был ваш собственный паттерн, записанный вчера.

— Я не узнал его.

— Потому что он смешался с другими. — Она отмотала запись. — Слушайте внимательно. Вот здесь — микропауза. Ваш паттерн даёт микропаузу перед каждым утверждением. Вы сомневаетесь, даже когда уверены. А ложные голоса — нет.

— Микропауза, — повторил Кирилл. — Я должен слушать паузы.

— Да. Это ваш ключ. У каждого человека свой ритм речи, свои сомнения, свои заминки. У того, кто говорит извне, их нет. Он идеален. А идеальность — это и есть фальшь.

Она включила симулятор снова. Голоса атаковали волнами. Кирилл закрыл глаза, чтобы не отвлекаться на экран. Слушал. Пропускал слова мимо сознания, сосредоточившись на ритме. Микропаузы. Заминки. Дыхание.

— Ложный. Ложный. Настоящий. Ложный. Настоящий. Ложный.

Голос Полины ворвался внезапно.

«Ты всё ещё здесь. Ты не сдаёшься. Это хорошо».

Пауза. Сердце пропустило удар. Но он уже слышал ритм — ровный, как метроном. Без единой заминки.

— Ложный, — сказал он. Голос прозвучал спокойно.

Лин остановила запись. Посмотрела на него.

— Ни одной ошибки за последние десять голосов.

— Микропаузы работают.

— Это прогресс. — Она не улыбнулась. — Но помните: симулятор — это симулятор. Там, на той стороне, голос может быть гораздо убедительнее. Он может использовать ваши воспоминания. Ваши страхи. Вашу... — Она запнулась. — Вашу Полину.

— Я понимаю.

— Нет. Не понимаете. — Она выключила аппарат. — Но поймёте, когда окажетесь там.

Кирилл встал. Голова гудела, но это была приятная усталость — как после хорошей работы.

— Завтра продолжим.

— Завтра, — кивнула Лин. — И послезавтра. И каждый день, пока вы не будете готовы.

Или пока они не попробуют снова.

— Они попробуют.

— Знаю. Поэтому вы должны быть готовы раньше.

Утром он взял служебный пикап и поехал к кювету.

Солнце только начало подниматься над пустыней, окрашивая песок в оранжевый. Машина всё ещё лежала на дне канавы, наполовину погружённая в мутную воду. Но что-то было не так. Кирилл заметил это сразу, ещё с дороги: свежие следы на краю кювета. Отпечатки обуви — чёткие, глубокие. Кто-то спускался вниз. И поднимался обратно.

Он съехал на обочину, заглушил двигатель. Подошёл к краю канавы, внимательно глядя под ноги. Следы вели к машине и обратно. Размер — мужской, десятый или одиннадцатый. Рисунок протектора смазан — человек не хотел оставлять чётких отпечатков, но земля была слишком влажной после вчерашнего дождя.

Кирилл спустился вниз. Машина стояла так же, как он её оставил — но капот был приоткрыт. Он точно помнил, что закрывал его вчера, перед тем как идти на базу. Поднял крышку. Двигатель был нетронут. А вот следы на раме — свежие царапины от инструмента — говорили сами за себя.

«Он вернулся. Снял заряд. Замел следы».

Кирилл выпрямился и осмотрелся. Больше ничего. Только следы, царапины и холодная ясность: тот, кто пытался его убить, знал, что он выжил. И уже готовился к следующему шагу.

Он вызвал эвакуатор. Пока ждал, сидел на краю канавы и смотрел на следы. Потом достал новый коммутатор — тот самый, купленный вчера в городе. Сделал снимок отпечатков. Улика. Не такая весомая, как заряд, но всё же улика.

«Кто-то внутри. С доступом к военному оборудованию. С доступом к моему графику. С доступом к машине».

Он убрал коммутатор. Круг сужался.

Глава 8

На третий день тренировок Кирилл почти перестал ошибаться.

Лин включила симулятор на максимальную сложность — голоса накладывались друг на друга, смешивались, перебивали. Мужские, женские, детские. Кто-то кричал, кто-то шептал, кто-то пел. Волков слушал не слова — ритм. Микропаузы. Дыхание.

— Ложный. Ложный. Настоящий. Ложный.

Голос Полины ворвался в общий хор — «Ты всё ещё здесь». Кирилл уже не вздрогнул. Отметил ровный, как метроном, ритм и ответил:

— Ложный.

Лин остановила запись. Посмотрела на экран, потом на Волкова.

— Ни одной ошибки за всю сессию. Двадцать семь голосов.

— Микропаузы работают.

— Это не только микропаузы. — Лин отключила аппарат. — Вы научились слушать. По-настоящему слушать, а не просто слышать слова. Это главное.

— Я готов?

— Нет. — Она покачала головой. — Симулятор — это симулятор. Там, на той стороне, всё будет иначе. Но вы готовы настолько, насколько это возможно за три дня.

Волков встал с кресла. Голова больше не гудела — тело привыкло к нагрузке.

— Завтра продолжим.

— Завтра, — кивнула Лин. — И послезавтра. Пока есть время.

Кирилл вышел из лаборатории. Голова была ясной — впервые за последние дни. Тренировки давали результат. Он уже не вздрагивал от голоса Полины в симуляторе. Научился отличать ложь от правды — даже когда ложь звучала его собственным голосом.

В коридоре его ждал охранник — не тот молодой парень с КПП, другой, постарше, с лицом, не выражавшим никаких эмоций.

— Сэр, Седьмая просила передать. Хочет поговорить. Сегодня ночью, после отбоя.

Волков остановился. За два года Эхо никогда не просили о разговоре. Они отвечали на вопросы. Выполняли команды. Но не просили.

— Что-то ещё?

— Нет, сэр. Только это.

Кирилл кивнул. Охранник ушёл. Волков стоял в пустом коридоре и смотрел ему вслед. Седьмая хотела говорить. Не на допросе — сама, по своей воле. Или по воле того, кто ею управлял. В любом случае, это стоило услышать. Ночной разговор

Ночь в изоляторе ничем не отличалась от дня. Те же лампы под потолком, тот же гул вентиляции, тот же холод — кондиционеры работали на полную, будто низкая температура могла что-то исправить. Волков прошёл мимо охранника — другого, не того молодого парня, — молча показал пропуск и толкнул дверь.

Седьмая сидела на койке, скрестив ноги, и смотрела в стену. При его появлении не вздрогнула. Казалось, Эхо вообще не спала никогда — просто выключалась, как прибор. Как сама говорила.

— Вы пришли, — произнесла она тихо. Не спросила.

— Пришёл. — Волков сел на стул напротив. Металл обжёг холодом даже через одежду.

Седьмая не отрывала взгляда от стены. Пауза затянулась. Кирилл уже хотел спросить, зачем она его позвала — в этот раз она сама передала через охранника, что хочет поговорить, — но Эхо заговорила первой.

— Сегодня ночью я видела сон. Раньше не видела. Только образы, которые посылал тот, кто меня создал.

Волков напрягся. Седьмая впервые говорила о создателе — не уклончиво, не общими фразами.

— Какой сон?

— Я падала. — Голос звучал ровно, но пальцы крутили прядь — та самая привычка. Осколок оригинала, который не смогли стереть. — Мост, перила, пустота под ногами. Ветер в лицо. И страх. Настоящий страх — не тот, который загружают как файл. Я чувствовала, как земля приближается, и знала, что это конец. А потом — темнота. И снова мост. Снова падение. Снова страх.

Девушка повернулась к Волкову. В глазах не было пустоты — впервые за всё время там горело что-то живое.

— Это не мой сон. Это её сон. Оригинала. Той, что осталась там. Я чувствую то, что чувствует она. Не всегда. Только когда он ослабляет контроль. Сегодня ночью ослабил.

Кирилл слушал, и внутри разрастался холод. Не тот, что от металлического стула. Другой — глубинный, под рёбрами. Седьмая говорила о том, чего не знала Лин, чего не знал Морган, чего не знал никто. Оригиналы не просто «оставались там». Они падали. Снова и снова. Вечность в одной секунде.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что вы хотите туда войти. — Седьмая посмотрела Волкову прямо в глаза. — Не делайте этого.

Кирилл замер.

— Почему?

— Потому что он ждёт вас. Тот, кто меня создал. Он знает, что вы придёте. Знал с того самого момента, как я улыбнулась вам в секторе приёма. Улыбка была не моя — его. Он хотел, чтобы вы зацепились. Чтобы начали копать. Чтобы нашли Гарсию, Лин, Моргана. Чтобы прошли весь путь до портала.

Девушка замолчала на секунду. Пальцы сжали край койки.

— Вы думаете, это вы идёте по следу? Это он ведёт вас. Как вёл всех остальных, кто пытался войти.

Волков почувствовал, как кровь отливает от лица. Не от страха — от осознания. С самого начала — с той самой улыбки в секторе приёма — он считал, что сам принимает решения. Сам копает. Сам идёт. Но что, если каждое его действие было просчитано? Что, если прослушка, смерть Коула, покушение — всё это были не попытки остановить его, а ступени, по которым его вели?

Он вспомнил слова Моргана: «Ты — единственный, кто может войти». Лин: «Вы пойдёте за ней». И голос Полины по радио — предсказание о метеорите над Израилем. Всё складывалось в цепочку. Слишком ровную, чтобы быть случайной.

— Откуда ты знаешь про остальных? — спросил он.

— Я не знаю. Я чувствую. Как эхо. — Седьмая прижала ладонь к груди. — Иногда я чувствую их страх. Тех, кто вошёл в портал и не вернулся. Их много. Они все ещё там. Застывшие. Как оригинал. Как она. И вы станете одним из них.

— Если он ждёт меня, — произнёс Кирилл медленно, — зачем ты предупреждаешь? Разве это не против его воли?

Седьмая опустила глаза. Пальцы замерли, перестав крутить прядь.

— Не знаю. Может быть, он хочет, чтобы я вас предупредила. Может быть, это часть плана. А может быть...

Она запнулась. Подняла глаза. И Волков увидел то, чего не видел раньше: страх. Не загруженный, не симулированный. Настоящий. Страх за него.

— Может быть, это мой выбор. Первый выбор за всё время.

Эхо смотрела на него, и в этом взгляде больше не было пустоты. Только боль — та самая, которую она чувствовала как эхо. Боль оригинала, падающего с моста. И боль за человека, который собирался войти в портал, чтобы остановить это падение.

— Я не хочу, чтобы вы становились одним из застывших, — сказала она тихо. — Я не хочу чувствовать вашу смерть так же, как чувствую её падение. Хватит с меня одного эха.

Кирилл встал. Подошёл к двери. На пороге обернулся.

— Я войду туда. Чтобы остановить её падение. И чтобы остановить его. Если для этого нужно стать застывшим — я стану. Но я не стану ещё одним голосом в твоей голове.

Седьмая ничего не ответила. Только пальцы снова начали крутить прядь — медленно, почти механически.

Волков вышел в коридор. Прислонился к стене. Закрыв глаза.

«Он ведёт меня».

Мысль пульсировала в висках. Не страх — холодная ясность. Если тот, кто управлял порталом, действительно вёл его с самого начала, значит, у него был план. Значит, Волков был нужен ему. Зачем? Чтобы войти? Чтобы остановить? Или чтобы занять чьё-то место?

Кирилл не знал. Но знал другое: даже если каждый шаг был просчитан, последний выбор оставался за ним.

Открыл глаза. Пошёл к себе. До открытия портала оставалось три дня.

Кирилл почти не спал. Слова Седьмой не выходили из головы.

«Это он ведёт вас».

Если создатель Эхо действительно вёл его с самого начала, значит, всё было predetermined. Улыбка в секторе приёма. Встреча с Лин. Разговор с Морганом. Смерть Коула. Покушение. Каждое событие — ступень. И теперь он стоял на последней, перед входом в портал, и не знал, что ждёт его там: ловушка или приглашение.

Он сел на кровати. На тумбочке стояла кружка «К.» с отбитой ручкой. Белая, с кривоватой буквой. Посмотрел на неё, и в голове зазвучал голос Полины — настоящей, живой: «Чтобы ты не забывал, как тебя зовут».

Кирилл взял кружку. Провёл пальцем по склеенному шву.

— Я помню, — сказал он вслух.

Поставил кружку на место. Оделся. Пошёл к Лин.

Утром Волков пришёл в лабораторию раньше обычного. Лин уже была там — сидела за пультом, но не работала. Просто смотрела на экран, где мерцала заставка.

— Седьмая говорила со мной ночью, — сказал Кирилл, закрывая дверь.

Лин повернулась. Под глазами залегли тени — она снова не спала.

— О чём?

— О том, кто её создал. О том, что он ждёт меня. О том, что он вёл меня с самого начала.

Лин выслушала молча. Потом взяла кружку, сделала глоток — медленно, словно тянула время.

— Вы верите ей?

— Не знаю. Но её слова совпадают с тем, что мы знаем. Прослушка, смерть Коула, покушение — всё это может быть не попытками остановить меня, а ступенями. Кто-то вёл меня к portalу.

— Зачем?

— Этого она не знает. Или не говорит.

Лин поставила кружку. Провела пальцем по краю.

— Гарсия тоже задавал этот вопрос. Зачем тому, кто управляет порталом, нужен человек, который хочет его уничтожить? Он не нашёл ответа.

— Может быть, я найду.

— Может быть. — Лин посмотрела на Волкова. — Но будьте осторожны. Если то, что говорит Седьмая, — правда, значит, вы идёте не в ловушку. Вы идёте по приглашению.

Глава 9

День первый

Тренировка прошла без ошибок. Лин включила симулятор на максимум — голоса смешивались, накладывались, кричали и шептали одновременно. Волков не ошибся ни разу. Когда всё закончилось, Лин отключила аппарат и посмотрела на него.

— Вы готовы. Настолько, насколько это возможно.

— Есть что-то ещё, что я должен знать?

Лин помедлила. Потом открыла файлы Гарсии — те самые, что они изучали вместе.

— Я пересмотрела его записи. Он предполагал, что тот, кто управляет порталом, не просто контролирует Эхо. Он контролирует саму ткань реальности на той стороне. Время, пространство, материю. Если это так, вы войдёте в мир, который живёт по чужим правилам.

— Правила можно изучить.

— Можно. Но Гарсия не успел. — Она закрыла файл. — Всё, что у нас есть, — это его гипотезы. И ваша аллергия на Кортекс. Больше ничего.

Оставшуюся часть дня Волков провёл за бумагами Гарсии. Пытался понять, что от него скрывают — если скрывают. Перечитал отчёты, схемы, расчёты. Ничего нового. Только растущее чувство, что ответ лежит не здесь — там, по ту сторону портала.

День второй

Утром в столовой он увидел Седьмую. Она сидела одна за дальним столиком, перед ней стоял поднос с остывшим завтраком — не притронулась. Волков взял кофе и сел за свой обычный столик у окна.

Они не разговаривали. Не смотрели друг на друга. Просто сидели в одной столовой — два человека, связанных общей тайной и общей женщиной, которой больше не было. Когда Кирилл уходил, он заметил, что Седьмая подняла голову и проводила его взглядом. Он не обернулся.

Вечером снова работал с документами. Лин принесла чай — молча поставила кружку на стол и ушла. Он просидел до полуночи, но так и не нашёл того, что искал.

День третий

Последний день.

Тренировок больше не было. Лин сказала: «Вы готовы». Волков провёл утро в комнате — проверял снаряжение. Нейрокарты. Передатчик. Браслет на запястье — зелёный свет горел ровно. Термокружка стояла на столе — он не взял её. Оставил рядом с кружкой «К.». Два подарка от одной женщины. Оба останутся здесь.

В столовой он снова увидел Седьмую. Она сидела на том же месте. На этот раз их взгляды встретились. Кирилл едва заметно кивнул. Она ответила тем же. Ни слова. Всё уже было сказано.

Вечером он пошёл к Саре.

Она была в комнате наблюдения — заканчивала смену. Увидела его, улыбнулась, но улыбка тут же погасла.

— Ты пришёл попрощаться.

— Да.

Сара встала. Подошла к нему — вплотную, так, что он чувствовал запах её духов. Ваниль. Тот самый кексик.

— Я знала, что ты идёшь туда. Морган сказал. — Голос дрогнул. — Я не хотела верить.

— Я должен.

— Знаю. — Она помолчала. — Ты всегда был идиотом, Волков. Шёл туда, куда не шли другие. Делал то, чего не делали другие. Я... — Она запнулась. — Я хотела тебе сказать. Давно. Но боялась.

— Сара...

— Нет, помолчи. — Она прижала ладонь к его груди. — Я знаю, что ты всё ещё там, с ней. Я не претендую. Просто... если ты не вернёшься, пусть ты будешь знать.

Она поднялась на носки и поцеловала его. Быстро, неловко, словно боялась, что он отстранится. Волков не отстранился. Почувствовал, как её слёзы коснулись его щеки.

— Прости, — прошептала она, отступая. — Я не должна была. Просто... поздно. Слишком поздно.

Кирилл смотрел на неё. На женщину, которая полтора года приносила ему кексики и никогда не спрашивала о кошмарах. Которая качала ногой и волновалась о сестре-сектантке. Которая любила его — а он даже не замечал.

И вдруг он увидел в ней себя.

Сара сделала то, на что у него не хватило духу два года назад. Она сказала. Пусть поздно, пусть в самый неподходящий момент, пусть зная, что ответа не будет, — но сказала. А он тогда, в машине скорой, держа Полину за руку, так и не решился. Ждал подходящего момента. Дождался — тишины вместо пульса.

Сара не стала ждать. Она бросилась в пропасть, зная, что лететь долго и дна не будет. И в этом было что-то до боли правильное.

— Ты сильнее, чем я, — произнёс он тихо.

— Нет. — Она покачала головой. — Просто у меня было больше времени, чтобы испугаться. И меньше времени, чтобы жалеть.

Она вытерла слёзы ладонью. Усмехнулась — горько, без веселья.

— Тогда иди. И возвращайся. Я испеку ещё кексиков.

Волков вышел. В коридоре прислонился к стене. Закрыв глаза. Губы всё ещё чувствовали её поцелуй — горький, отчаянный, прощальный. Он не ожидал. Но сейчас, стоя в пустом коридоре, он понял: Сара дала ему то, чего он не мог дать себе сам. Пример. Если она смогла сказать — значит, и он сможет. Не словами — делом.

Он открыл глаза и пошёл к себе. Завтра — вход в портал.

Глава 10

Сирена взвыла в последний раз.

Кирилл стоял в полуметре от мерцающего прямоугольника. Запах озона стал невыносимым — густым, как перед грозой, с металлическим привкусом, от которого першило в горле. Края портала подсвечивались слабым голубым. Тот самый оттенок, который не встречается в природе.

За бронированным стеклом, в комнате наблюдения, замерли трое. Лин стояла у пульта — он видел её тёмный силуэт. Сара прижимала ладонь к стеклу. Морган держался позади, прямой как штырь. Он не махал. Не говорил. Просто смотрел.

Кирилл обернулся к ним. Поднял руку — короткий, сухой жест. Не прощание. Скорее: «Я помню».

Лин кивнула. Сара не шевельнулась.

— Открытие через минуту, — произнёс механический голос из динамика. — Вход разрешён.

Кирилл шагнул вперёд.

Первый шаг — и мир исчез.

Не стало ни пола под ногами, ни воздуха в лёгких, ни собственного тела. Кирилла подхватила невидимая сила — не толчок, не падение, а скорее растяжение. Как будто каждая клетка одновременно рванулась вперёд, оставив сознание позади. Перед глазами мелькнули цвета, которых не существует в человеческом спектре, — глубокий ультрафиолет, переходящий в инфракрасный, и что-то ещё, чему нет названия. А потом всё схлопнулось в одну ослепительную точку.

Темнота.

Тишина.

И холод. Не тот холод, что снаружи — тот, что внутри. Как будто воздух стал жидким азотом и заполнил лёгкие. Кирилл судорожно вдохнул — воздух был. Разреженный, стерильный, пахнувший металлом и чем-то ещё, неуловимым. Он открыл глаза.

Платформа. Круглая, металлическая, примерно три метра в диаметре. Он стоял в центре. Вокруг — стены из серого бетона, высокие, уходящие в темноту наверху. Никаких панелей, никаких приборов. Только холодный, ровный свет, льющийся неизвестно откуда — он не давал теней, и от этого пространство казалось плоским, двухмерным.

Помещение. Небольшое, закрытое. Вдоль стен — несколько металлических капсул, похожих на инкубаторы. Матовое стекло, тусклые индикаторы. За стеклом угадывались неподвижные силуэты. Люди? Кирилл пригляделся — да, люди. Обнажённые, с закрытыми глазами, они висели в прозрачной жидкости, подключённые к десяткам тонких трубок. Ни движения, ни звука. Только индикаторы мигали — зелёный, синий, зелёный. Монотонно. Ритмично. Как сердцебиение.

Он подошёл ближе к одной из капсул. Мужчина, лет сорока, короткая стрижка, шрам на подбородке. На стекле, чуть ниже уровня глаз, тускло светилась строка диагностики: «Субъект #2047. Статус: активно. Цикл: 847». Чуть дальше, у третьей капсулы, индикатор мигал не зелёным, а жёлтым — мелкий сбой в идеальной системе, который никто не удосужился исправить.

Кирилл обернулся. Портал за спиной всё ещё мерцал, но уже не прямоугольником — неровным, пульсирующим пятном, которое быстро сужалось. Через несколько секунд оно исчезло совсем. Он остался один.

Он не знал, что это за место. Лаборатория? Инкубатор? Сборочный цех? Тела за стеклом — это Эхо, которых ещё не выпустили. Чистые листы. Он заметил, что у всех отсутствовали волосы на голове и лице — гладкая, почти кукольная кожа, без родинок, без шрамов, без инди-

видуальности. И вдруг он понял: индивидуальность не нужна. Она — помеха. Чистый сигнал требует чистого носителя.

Кирилл отступил от капсулы и пошёл вдоль ряда. Сотни инкубаторов. Некоторые пусты — их обитатели уже вышли. Другие только формировались. В дальней капсуле, у самой стены, он заметил тело без лица — просто гладкая поверхность там, где должны быть глаза, нос, рот. Брак. Или тестовый образец. Он не стал задерживаться.

В конце помещения он увидел дверь. Неприметную, металлическую, без ручки — просто прямоугольный вырез в стене. Над ней горел единственный индикатор: зелёный огонёк, ровный и спокойный. Выход.

Кирилл подошёл. Дверь открылась без звука, ушла в стену.

Первое, что он увидел — небо. Вернее, его отсутствие. Над головой висела серая пустота, подсвеченная тем же мертвенным светом, что и лаборатория. Ни облаков, ни звёзд, ни солнца. Только тонкие, пульсирующие линии, похожие на вены, пронизывали это ничто. Они тянулись от горизонта до горизонта, исчезая где-то за пределами видимости. В их пульсации чувствовался ритм — медленный, размеренный, как дыхание спящего. Но чем дальше Кирилл смотрел на них, тем отчётливее понимал: это не вены. Это каналы передачи данных. Потоки классифицированной информации, текущие от фрагментов к центру Архипелага.

Второе — тишина. Не просто отсутствие звуков — отсутствие самой возможности звука. Как в вакууме. Как в склепе. Воздух был неподвижен — ни ветра, ни сквозняка, ни малейшего колебания. Тишина давила на барабанные перепонки, и Кирилл слышал только своё дыхание и стук собственного сердца. Больше ничего.

Третье — пространство. Оно не подчинялось никаким законам.

Прямо перед ним, метрах в десяти, обрывалась автострада. Шестиполосное шоссе, с разметкой и отбойниками, уходило в серую пустоту и обрывалось ровным срезом, словно кто-то отпилил кусок мира гигантской пилой. На уцелевшем фрагменте застыли машины — несколько легковушек и бензовоз. Они не стояли и не падали — они висели в полуметре над асфальтом, задрав носы. Цистерна бензовоза расцветала бутоном взрыва, лепестки огня которого вот-вот должны были накрыть кабину. Пламя было застывшим, как стеклянная скульптура, — каждая деталь, каждый язычок огня видны в мельчайших подробностях. Водитель замер с открытым в крике ртом, и капли пота на его лбу были неподвижны, как стеклянные бусины. Пламя не отдавало теплом. Оно просто висело в воздухе — мёртвое, как всё вокруг.

Слева от автострады, под неестественным углом к ней, располагался фрагмент жилого квартала. Двухэтажный дом вместе с детской площадкой висел над пустотой. Качели застыли в крайней точке взлёта, песочница была усеяна неподвижными песчинками. В окне второго этажа застыла женщина с телефоном у уха — одна рука прижата к стеклу, губы разомкнуты на полуслове.

Дальше пространство ломалось окончательно. Фрагмент джунглей — спутанные лианы, ярко-зелёные листья, застывшие в воздухе насекомые — упирался в обломок японского деревянного моста. Тот, в свою очередь, свисал над куском городской площади с фонтаном. Вода застыла стеклянными бусинами, и в них отражался синий свет небесных линий. За площадью, насколько хватало глаз, громоздились другие фрагменты: кусок железнодорожной станции, обрывок туннеля метро, фасад оперного театра, горный серпантин с перевёрнутым автобусом. Они не были соединены переходами или мостами — они просто висели в серой пустоте, как острова.

Кирилл стоял на краю металлической платформы и смотрел. Дыхание перехватило. Это был не город. Это был коллаж. Архипелаг фрагментов, собранных без видимой логики. Как будто кто-то вырезал из разных реальностей куски и сложил их в одну кучу, не заботясь о порядке.

Он заставил себя сойти с платформы. Ноги ступили на серый, потрескавшийся асфальт — кусок автострады был ближе всего. Асфальт оказался настоящим. Твёрдым, холодным, с выбоинами и следами шин. Кирилл наклонился, коснулся его ладонью. Реальность. Физическая, осязаемая. Не голограмма, не симуляция. Настоящий асфальт, настоящие машины, настоящие люди — вырванные из своего мира и перенесённые сюда.

Он выпрямился и пошёл вперёд.

Кирилл направился к бензовозу. Водитель всё так же висел над сиденьем, пристёгнутый ремнём безопасности. Его лицо, искажённое криком, было покрыто бисеринками пота — каждая капля застыла, не падала, не испарялась. Просто висела в воздухе.

Он остановился в двух метрах от кабины. Смотрел на водителя — и не знал, что чувствовать. Ужас? Жалость? Холодное, парализующее понимание? Этот человек был настоящим. Где-то внутри этого неподвижного тела, возможно, ещё теплилось сознание. Застывшее. Пойманное в ловушку. Пламя, застывшее в попытке добраться до человека, не отдавало теплом. Осколки металла и стекла висели в пространстве вокруг, не позволяя приблизиться ближе.

Кирилл протянул руку и коснулся капота легковушки, которая через мгновение должна была быть поглощена облаком взрыва. Острый кусок металла от цистерны уже вошёл в лобовое стекло и метил в голову молодой девушки за рулём. Он обошёл машину, заглянул внутрь. На пассажирском сиденье лежала раскрытая книга — страницы замерли, не долетев до конца. На приборной панели горели индикаторы. Часы показывали 14:37.

Кирилл смотрел на часы. 14:37. Он не знал, что это значит — время катастрофы? Время, когда всё остановилось? Он попытался вспомнить, что говорила Лин о временном сдвиге. Две минуты. Здесь время идёт на две минуты быстрее. Но эти часы стояли. Время здесь не шло вовсе.

Он отошёл от легковушки и двинулся дальше, к жилому дому. Под ногами хрустело битое стекло — осколки витрины какого-то магазина. Кирилл перешагнул через застывшую лужу воды — твёрдую, как лёд, но не холодную. Просто твёрдую. Заглянул через разбитую витрину. Там, в застывших брызгах осколков, разлетающихся продуктах и деталях витрин, стояла женщина. Она смотрела с невыразимым ужасом на въезжающий в магазин внедорожник. Машина замерла в полуметре от неё и её грудного ребёнка, которого она прижимала к груди. За рулём внедорожника никого не было.

Кирилл отпрянул. Сердце бешено колотилось. Он начинал осознавать.

Водитель бензовоза. Девушка за рулём легковушки. Женщина с ребёнком. Он видел их. Не здесь — там, на Земле. Их Эхо. Они выходили из портала, предсказывали катастрофы, спасали тысячи. А их оригиналы — вот они. Застывшие. Пойманные.

Он отвернулся от витрины и пошёл дальше.

Он не знал, сколько прошло. Часы на руке встали — стрелки замерли на 08:17. Внутреннее ощущение подсказывало — может быть, час. Может быть, три. В этом мире не было ни голода, ни усталости. Только холод, тишина и это бесконечное, сводящее с ума разнообразие фрагментов.

Кирилл миновал кусок больничной палаты — койка, капельница, застывшая медсестра с занесённым шприцем. Обломок эскалатора — люди на ступенях, их руки вцепились в поручни. Часть ресторанного зала — опрокинутые стулья, застывшее пламя свечи, официант, замерший с подносом в руке. Каждая локация была чьей-то трагедией. Каждая — чьей-то последней секундой.

Воздух в разных фрагментах пах по-разному. У бензовоза — горелой резиной и бензином. В больничной палате — спиртом и хлоркой. В ресторане — едой и свечным воском. Запахи не смешивались. Каждый фрагмент хранил свой воздух, как консервная банка хранит содержимое.

Он переходил с фрагмента на фрагмент, и постепенно к нему приходило понимание. Не словами — ощущением. Этот мир был не просто тюрьмой. Он был коллекцией. Архивом.

А потом он увидел часы.

На приборной панели бензовоза — 14:37. На руке застывшего мужчины у фонтана — 14:37. На стене вокзала, мимо которого он прошёл, — 14:37. Разные фрагменты. Разные люди. Разные катастрофы. Одно и то же время.

Кирилл остановился.

Он прошёл ещё несколько фрагментов, проверяя. Школа. Часы в коридоре — 14:37. Оперный театр. Часы на башне — 14:37. Круизный лайнер. Часы в капитанской рубке, видимые сквозь разбитое стекло, — 14:37.

Не просто застывшее время. *Одно и то же* время. Как будто конец света наступил везде одновременно.

Он стоял посреди обломка городской площади и пытался найти этому объяснение. Одновременность не могла быть случайной. Слишком разные катастрофы — пожары, цунами, теракты, падения. Они не могли произойти в одну и ту же минуту. Значит, время здесь не остановилось — оно было *выставлено*. Как стрелки на музейных часах. Как индикатор на тестовом образце.

И тогда его осенило.

Выживших нет.

В каждой из этих катастроф не выжил никто. Или почти никто. Ни одного спасшегося, ни одного чуда. Только чистый, неразбавленный ужас — от момента, когда человек понял, что это конец, до момента, когда всё оборвалось.

Куратор собирал не катастрофы. Он собирал калибровочные образцы страха. Лучшие из возможных. Каждый фрагмент здесь — это не трагедия. Это эталон. Максимум данных на единицу события. Никаких помех в виде надежды, спасения, случайности.

Кирилл стоял посреди застывшего Архипелага и чувствовал, как холод под рёбрами становится невыносимым. Не от страха — от осознания. Каждая секунда здесь была просчитана. И он, Кирилл Волков, только что стал частью этого расчёта.

Он увидел его после десятка фрагментов.

Пешеходный переход через шоссе, железные перила, бетонные опоры. В воздухе, в двух метрах от перил, висела фигура. Женщина. Волосы развевались — застывшие, как и всё вокруг. Она падала.

Кирилл замер.

Он не мог разглядеть лица с такого расстояния. Не знал, она это или кто-то другой. Но мост был тем самым — он узнал его по фотографиям, которые показывала Лин. Сердце забило быстрее. Он сделал шаг вперёд — и остановил себя.

Нет. Не сейчас. Сначала нужно понять. Если он подойдёт к ней сейчас, если увидит её лицо — он сломается. А он ещё не готов. Ещё не знает достаточно.

Кирилл развернулся и пошёл в другую сторону.

Он блуждал ещё долго — или, может быть, нет. Время потеряло смысл. Пространство не становилось понятнее. Он переходил с фрагмента на фрагмент, и каждый новый был такой же застывший, такой же мёртвый, как предыдущий. Тишина давила. Холод проникал под одежду, под кожу, под рёбра.

А потом он увидел свет.

Не синий, не серый. Жёлтый. Тёплый. Он мерцал где-то впереди, за обломком рушащегося здания и куском железнодорожной платформы. Как огонь в окне. Как маяк.

Кирилл пошёл на него. Сначала медленно, потом быстрее — почти побежал. Свет становился ярче, теплее. Он не знал, что там. Может быть, ловушка. Может быть, ответ. Может быть, кто-то ещё — такой же, как он, заблудившийся в этом лабиринте.

Он пересёк границу фрагментов — бетон сменился деревянным настилом, дерево — металлической решёткой — и вышел к источнику.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.